Это всегда была ты

Автор:
Никола Хотель

Это всегда была ты

Никола Хотель

Young Adult. Романтические бестселлеры Николы Хотель

Четыре года назад Айви потеряла всё. Сразу после смерти матери отчим отвёз её в школу-интернат. Возвращение домой под запретом. Никаких звонков и писем.

За это время девушка почти смирилась с одиночеством, изгнанием и болью. Но не с потерей Ашера. Мысль о том, что сводному брату плевать на неё, навсегда оставила глубокую рану на сердце.

Поэтому, когда отчим написал, что ей необходимо срочно вернуться, Айви решила наконец узнать правду о том, почему её выгнали, почему Ашер не отправился за ней и что на самом деле она к нему чувствовала. Сидя в самолёте, переполненная страхами и сомнениями, девушка пыталась понять, что ждёт её в месте, которое она когда-то считала домом. Пройдёт ли встреча с Ашером гладко, или на её сердце только прибавится шрамов? Ведь порой желания могут завести нас так далеко, как мы и не ожидаем…

Никола Хотель

Это всегда была ты

Посвящается Катрин

Плейлист

New Light – John Mayer

lovely – Billie Eilish, Khalid

Heaven In Hiding – Halsey

Love Is Madness – Thirty Seconds To Mars feat. Halsey

In My Blood – Shawn Mendes

Dancing With A Stranger – Sam Smith feat. Normani

I Was Wrong – ARIZONA, Robin Schulz

A Beautiful Lie – Thirty Seconds To Mars

Be Alright – Dean Lewis

Waves – Dean Lewis

Beggin For Thread – BANKS

bad guy – Billie Eilish, Justin Bieber

Was It A Dream? – Thirty Seconds To Mars

Wait By The River – Lord Huron

Dangerous Night – Thirty Seconds To Mars

Rescue Me – Thirty Seconds to Mars

Mercy – Shawn Mendes

Walk Through The Fire – Klergy, BELLSAINT

Seventeen – Younotus, Kelvin Jones

everything i wanted – Billie Eilish

Whatever It Takes – Imagine Dragons

Глава 1

Уже сорок минут я сижу в этом самолете и не замечаю, что он сидит всего лишь в нескольких рядах от меня. Сорок минут, в течение которых я пытаюсь подавить любую мысль о моей семье, а также неприятные ощущения внизу живота. К сожалению, это получается у меня не очень успешно. Поскольку на моем телефоне включен авиарежим и никакие сообщения до меня не доходят, я начинаю рассматривать альбом с недавними фотографиями, где изображены мы с Обри. При этом я около одиннадцати раз прослушала «New Light» Джона Майера. Я люблю эту песню и включаю ее каждый раз, когда меня накрывают неприятные ощущения при мыслях о семье.

Но одиннадцать раз определенно граничат с одержимостью. Сегодня дела совсем плохи, потому что я не знаю, как пережить следующие несколько дней на острове. Это первый раз за четыре года, когда я снова их увижу.

– Извините, есть ли здесь еще один туалет, кроме этого?

Я понизила голос и указала вперед, где над дверью все еще светилась красная табличка с надписью «Занято». Это продолжается уже несколько минут.

Стюардесса в белой блузке приветливо наклоняется ко мне.

– Второй туалет, к сожалению, неисправен.

Она улыбается с сочуствием, но эта улыбка – издержка профессии, а не искренний порыв. Вокруг ее шеи повязан красный платок с логотипом «Endeavor Air»[1 - Название американской авиакомпании.].

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить в качестве компенсации за ожидание? Может быть, стакан апельсинового сока?

– Нет, спасибо.

Это очень и очень плохая тема. Слова «выпить» оказалось достаточно, чтобы я испытала резкий порыв сжать свои ноги. Я качаю головой, но делаю это, больше сокрушаясь самой себе, потому что слишком поздно выехала из колледжа и поэтому не успела сходить в туалет в аэропорту. Всего несколько часов назад отчим прислал мне персонифицированный билет на этот рейс, и с тех пор я буквально нахожусь под огромным напряжением.

Всего пару дней, Айви. Ты сможешь.

Я постоянно повторяю себе это. Я повторяю это себе с тех пор, как получила письмо по электронной почте, в котором меня настойчиво просили, чтобы я вернулась домой. После этого я тщетно пытаюсь успокоить свое дыхание. Не знаю, почему отчим хочет меня видеть, но мне придется ехать прямо на этот чертов остров. Мне придется снова увидеться с ним и выслушать, что он хочет мне сказать. И все время буду надеяться, что не столкнусь со своими сводными братьями. А когда это дело, о котором бы ни шла речь, будет сделано, я смогу продолжить вести свою настоящую жизнь. Мою жизнь без семьи Блейкли.

Поскольку другими способами справляться со своими эмоциями у меня не получается, я включаю песню Джона Майера теперь уже в двенадцатый раз. Будь у меня связь, я бы открыла Инстаграм и посмотрела видео в «актуальном», где он делает себе смоки айс. Это смотрится абсолютно нелепо, и при этом он выглядит так, словно кто-то поставил ему фингал, но до настоящего времени этому видео удавалось отвлечь меня и заставить улыбнуться. Песня заканчивается слишком быстро, и я вновь ставлю ее на репит, проваливаясь в приятный бит, пока давление на мой мочевой пузырь не становится нестерпимым и не вынуждает меня распахнуть глаза.

Слава богу. Свет над дверью туалета гаснет, и из него выходит одетый в костюм мужчина с седыми волосами и густыми бровями, все еще застегивающий на ходу брюки. Я тут же вскакиваю и бросаю рюкзак на сиденье. Покачиваясь из-за того, что пилот, видимо, как раз пролетает через воздушную яму, я опираюсь то на одно сиденье, то на другое. Из ряда передо мной выскакивает фигура в джинсовой рубашке и тянет за собой спутницу, и я искренне надеюсь, что никому из них сейчас не нужно в туалет. То, что я не узнаю его сразу, что я даже не чувствую его присутствия, теперь кажется мне почти абсурдным, потому что это идеальный момент для драматического саундтрека.

– Извините! – кричу я им вслед, но они не реагируют, и в следующий момент вместе исчезают за дверью туалета. Пожалуйста, не надо, умоляю я про себя. У меня гарантированно не получится сдерживаться ни минуты дольше.

Вторая стюардесса обращается ко мне в проход:

– Пожалуйста, вернитесь на свое место. К сожалению, мы попали в зону турбулентности.

Господи, она понятия не имеет, о чем говорит. Если я сейчас же не попаду в туалет, здесь возникнет та еще зона турбулентности. Я игнорирую ее и прохожу вперед, к туалету, дверь которого распахивается с толчком самолета – и мое сердце уходит в пятки.

Матерь божья!

Сквозь приоткрытую дверь мой взгляд падает на обнаженную мужскую задницу и пару женских рук, скользящих вверх по ней. В полном шоке я несколько секунд пялюсь на развернувшуюся передо мной картину. Мне кажется, что это, должно быть, сон. Ночной кошмар, который настигает тебя, если ты забыл написать эссе о визуальной культуре и думаешь о том, что профессор Грэм устроит тебе при наихудшем стечении обстоятельств. Во всяком случае, происходящее здесь – худшее, что я могу представить себе прямо сейчас. Я не могу обратиться к ним, не провалившись под землю от стыда, но если этого не сделать, ситуация тут же станет гораздо более неловкой для меня. Я делаю глубокий вдох и робко стучу костяшками пальцев по дверной раме.

– Извините, пожалуйста… – мое лицо вспыхивает, и мне нужно откашляться. – Мне очень жаль, но мне… действительно срочно нужно в туалет, а другой сейчас неисправен, поэтому не могли бы вы позже…

По двери прилетает пинок, и она захлопывается перед моим носом. В тот же момент снова загорается табличка с надписью «Занято», а со стороны сидений доносится писк, сигнализирующий о том, что нужно пристегнуть ремни безопасности.

Кто-то трогает меня за плечо, и я вздрагиваю, словно угодила на электрический забор. Мое сердце начинает биться чаще.

– Если вы хотите подождать, то вам придется пристегнуться здесь прямо сейчас, – объясняет мне стюардесса, откидывая от стены для меня специальное сиденье.

– Хорошо, спасибо.

С пунцовым лицом я присаживаюсь на узкое сиденье и пристегиваю ремень. Мне чертовски хочется провалиться сквозь землю. Я не могу поверить в то, что сейчас там происходит. В то время как я почти наделала в штаны, эти двое пролезли в туалет без очереди и теперь стремятся попасть в «Клуб на высоте в милю»[2 - Речь о «Mile High Club» – названии, обозначающем людей, которые занимались сексом на большой высоте.]. Звуки из кабинки с плохой звукоизоляцией являются более чем очевидным доказательством этого.

Может быть, мне стоит записать эти звуки на телефон специально для Обри. В отличие от меня она, вероятно, сочла бы это довольно забавным. О боже, я могу только надеяться, что тому парню не требуется много времени. От этой мысли кровь к моему лицу приливает еще сильнее. Я бросаю взгляд на свои часы. Менее чем через полчаса самолет приземлится в аэропорту Манчестер-Бостон, и как только мы пойдем на снижение, вставать с места снова будет нельзя. Впрочем, мысль о том, что я дотерплю до тех пор, весьма сомнительна. Неужели ситуация может быть еще хуже?

Этот день просто ужасен. От аэропорта до острова около пятидесяти миль сквозь дремучий лес – в течение часа я буду дома. Когда я об этом думаю, мой желудок завязывается в тугой узел. Дом.

Сейчас я жалею, что не осталась в общежитии и не придумала какой-нибудь предлог, из-за которого не смогла бы приехать. Что-нибудь, что могло бы помешать мне когда-нибудь снова перешагнуть через порог этого дома на острове. Но в электронном письме речь шла о чем-то срочном, и Ричард Блейкли… Как ни крути, он все еще мой отчим.

Застонав, я сползаю на откидном сиденье и гипнотизирую стрелку на своих часах, чтобы потом снова взглянуть на дверь туалета. Кончиками пальцев я касаюсь коленей, проклиная себя за то, что надела эти обтягивающие джинсы, которые теперь пережимают мне низ живота. В туалете что-то гремит, как будто кто-то стучит в дверь изнутри. Боже мой, все это не может быть правдой! Если мне не повезет, они вот-вот проломят тонкую дверь и рухнут мне на колени. Я подавляю стон и сжимаю зубы.

Когда звуки наконец стихают, я рефлекторно фокусируюсь на стрелке своих часов только для того, чтобы сразу же после этого снова начать стыдливо краснеть. Семь минут. Дверь распахивается настежь, и из нее, пошатываясь, выходит девушка с длинными светлыми волосами и толстым слоем макияжа на лице. Из выреза ее блузки видна татуировка. Приглядевшись, я понимаю, что она значительно старше, чем показалась мне сначала. Я быстро опускаю взгляд, но ситуация, по-видимому, гораздо больше смущает меня, чем ее, потому что она спешит прочь, даже не поправив толком свою одежду. Дверь за ней закрывается – и остается закрытой.

Я понимаю, что эти двое не могли выйти из кабины одновременно ради маскировки, но… Что там до сих пор делает этот парень? Укладывает волосы? Иначе я не могу себе представить, какого черта это длится так долго. Я отстегиваю ремень и поднимаюсь. В тот же момент, когда моя рука хватается за дверную ручку, дверь открывается, и я пересекаюсь взглядом с парой слишком знакомых глаз янтарного цвета. При этом брови над ними удивленно ползут вверх.

– Черт побери, – произносит он.

Это именно то, о чем я сейчас подумала.

Его лицо мне так знакомо, как будто и не было последних четырех лет. Как будто только сегодня утром во время завтрака он сидел напротив меня за

столом. Я знаю каждую деталь. Знаю, как появляется ямочка рядом с уголком его губ, когда он ухмыляется. Или как он выглядит, когда из-за злости его брови сдвигаются. Этот маленький шрам на его верхней губе, который придает его улыбке оттенок самодовольства, – я знаю, как он появился, и мысль об этом заставляет испытать меня мучительное чувство вины, которое я быстро подавляю. До сих пор в моей голове звучит его голос, когда он смеется или отпускает язвительный комментарий, и я точно помню каждый раз, когда этот голос издевался надо мной. Это то, о чем я предпочла бы давно забыть.

– Ашер, – удивленно проговариваю я, затем сжимаю губы, чтобы не смотреть на него с открытым ртом. Мое сердце, вдруг упавшее в пятки, бьется слишком быстро.

Правой рукой он проводит по своим чересчур длинным волосам. У него на лице грубая щетина, из-за чего маленький шрам на его верхней губе выделяется еще сильнее. Рукава своей джинсовой рубашки он засучил повыше. Под ней – белая футболка. Не могу понять, шокирован ли он так же, как и я. Если это так, то, во всяком случае, он хорошо себя контролирует.

– Айви, – говорит Ашер, и его кадык двигается, когда он сглатывает. – Ты направляешься на остров? Неужели мой отец заказал билет на этот рейс и тебе тоже?

Означает ли это, что Ричард также позвал домой и его? Но то, как он это произнес: «Мой отец»… Я определенно правильно расслышала подтекст. И хотя я знаю, что не являюсь частью этой семьи должным образом – никогда не являлась, – тем не менее этот тон все же причиняет мне боль.

Уголки губ Ашера ползут вверх, и вот она – маленькая ямочка рядом с левым уголком. Я бы солгала, если бы утверждала, что не скучала по этому, что только доказывает, насколько я глупа. Потому что как можно скучать по тому, что на самом деле ненавидишь?

– Ничего себе, – говорит он, усмехаясь еще шире. – Это действительно… ужасно неожиданно – увидеть тебя.

Ужасно – да. Неожиданно – нет. Впрочем, я надеялась, что смогу избегать этой встречи еще немного дольше.

На шее Ашера я замечаю мелкие бисеринки пота, а в следующее мгновение чувствую, как его руки обвиваются вокруг моей талии. Я не видела Ашера уже четыре года, но древесный запах дорогого мужского мыла «Блейкли» все еще слишком хорошо знаком мне. На самом деле этот аромат не выходил из моей головы в течение последних четырех лет. Судя по всему, у меня хорошая память на запахи. Теперь, однако, этот аромат смешивается с женским парфюмом. Я чувствую царапающий подбородок Ашера на своем виске и его дыхание, мимолетно коснувшееся моего уха.

– Невероятно, – шепчет он, а затем отодвигает меня от себя на расстояние вытянутой руки. – Когда ты в последний раз показывалась на острове, ты была еще ребенком. С тех пор у тебя выросла грудь.

К моим щекам тут же приливает кровь. Это так на него похоже. Я понимаю, что Ашер просто хочет меня спровоцировать, но мне все равно трудно подавить ругательство, которое вертится у меня на языке. Мне удается только прошептать тихое «Добро пожаловать в “Клуб на высоте в милю”», прежде чем я отталкиваю его и протискиваюсь мимо своего сводного брата в тесный туалет.

– Можно подумать, ты являешься его членом.

Ашер смеется мне вслед. Даже этот смех мне знаком. То, как он может звучать одновременно снисходительно и так издевательски, – этого я никогда не могла понять. И это приводит меня в ярость.

Я поворачиваюсь к нему.

– Я там главный председатель, придурок.

С размахом я захлопываю дверь перед его носом. Стоит мне спрятаться от взгляда Ашера, как я начинаю задыхаться и опираюсь о стену, потому что в ушах шумит кровь. Я все еще слышу его смех через тонкую дверь и ругаю себя за то, что не могу ответить простым равнодушием. Я просто надеюсь, что он не останется стоять снаружи и ждать, пока я выйду. Пожалуйста, пусть он просто исчезнет и забудет о моем существовании! Но уже в следующую секунду становится ясно, что Ашер не сделает мне этого одолжения.

– Хочешь, я подвезу тебя, как только мы приземлимся? – Его голос звучит дружелюбно. Слишком дружелюбно для Ашера, которого я знала. – Моя машина стоит в аэропорту.

– Н-нет… – задыхаюсь я.

– Айви, – говорит он мрачным тоном. – Если ты собираешься вызвать такси, то это просто глупо. А на судне тебе добираться туда несколько часов, потому что оно плывет через Бостон. Давай поедем домой вместе.

– Нет. Спасибо.

Из-за двигателей самолета я не слышу, уходит ли он, но после того, как проходит несколько секунд и Ашер ничего не говорит, я с облегчением выдыхаю.

Своим поведением я, к сожалению, наглядно продемонстрировала ему, как быстро он все-таки может вывести меня из себя, а это совсем не хорошо. Я тоже не знаю, что со мной происходит, и ненавижу себя за то, что сейчас у меня на глаза навернулись слезы. Ненавижу, что скучала по нему и его дурацким высказываниям. Хотя мне было ясно, что, скорее всего, я встречу Ашера на острове, я все равно чувствую себя застигнутой врасплох. Он нисколько не изменился, и тем не менее, всего за несколько мгновений ему удается пробудить во мне наихудшие качества. Конечно, у меня еще никогда не было секса в самолете, но я, разумеется, не собираюсь раскрывать ему свои карты.

Я стараюсь не оглядываться, суетливо выпутываясь из своих обтягивающих джинсов. Только бы не заглянуть в мусорное ведро и не найти там никаких следов его и этой женщины! Но жар медленно отступает от моего лица. Десяти секунд в присутствии Ашера Блейкли вполне достаточно, чтобы я вспомнила, что должна была радоваться тому, что мне всегда приходилось проводить каникулы у своей подруги, потому что мне не разрешалось ехать домой. Несмотря на то что Ричард отправил меня в интернат под Нью-Йорком, когда мне едва исполнилось пятнадцать, – это было лучшее, что могло со мной случиться. В противном случае я в конце концов убила бы кого-нибудь.

Мой взгляд падает на дозатор мыла прямо передо мной, на котором красуется логотип в виде буквы «Б» с изящными закорючками. Логотип Блейкли, то есть моей семьи. Нашей семьи. Я подавляю трепет и наконец с облегчением мою

руки, хотя этот запах пробуждает во мне слишком много воспоминаний. Если бы я только могла смыть с себя те чувства, которые Ашер вызывает во мне. В нем есть что-то такое, что способно в мгновение ока сжать мою грудную клетку.

Я пытаюсь стряхнуть эти мысли, прежде чем осторожно выглядываю через дверь в салон самолета. Только убедившись, что никто меня не поджидает, я выхожу из кабинки. С дрожащими коленями я пробираюсь через проход обратно к своему месту. Когда я прохожу мимо ряда Ашера, то демонстративно смотрю в другую сторону, стоит мне добраться до своего места и переложить рюкзак к себе на колени, тут же раздается объявление о том, что мы идем на посадку. Температура в Манчестере, штат Нью-Гэмпшир, составляет 26 градусов при влажности воздуха 68 процентов. Солнце ярко светит в этом самом красивом месте в США, как сообщает нам пилот, и сразу же он отпускает глупую шутку о посадочном маневре. Я проверяю, включен ли авиарежим на моем телефоне, и уже собираюсь положить его обратно в карман, когда замечаю, что моего кошелька больше нет в рюкзаке.

Вот дерьмо. Этого же просто не может быть.

Беспокойно я начинаю рыться в своих немногочисленных вещах. Слава богу, мой ежедневник все еще на месте. Карандаши тоже. Книга, которую я хочу обязательно прочитать к началу нового семестра, единственная открытка, которую мы с Обри послали самим себе, когда весной провели неделю в Мексике. Это было путешествие, на которое мы копили полгода. Также в рюкзаке были мои наушники, самодельный блеск для губ от Мэй – младшей сестры Обри – и коробка ирисок со вкусом корицы. Но кошелька там не было. Помимо моих водительских прав и кредитной карты, теперь исчезли и мои наличные. В ужасе я поворачиваюсь к своей соседке – женщине средних лет, на которой были темно-коричневые солнцезащитные очки.

– Извините, вы случайно не заметили, трогал ли кто-то мой рюкзак? – спрашиваю я дрожащим голосом. – Как раз тогда, когда я ненадолго отходила?

– Простите, нет.

Она жует жвачку, и даже не видно, есть ли у нее вообще глаза. Мне не хочется ее подозревать, но на мгновение мне представилось, как эта женщина роется в моем рюкзаке, как ее пальцы касаются моих личных вещей, и я нервно

сглатываю.

– Извините, – окликаю я стюардессу и подаю ей знак рукой.

– К сожалению, сейчас мы не можем предоставить вам напитки, поскольку самолет уже идет на посадку.

– Я знаю, я… Хм… – я понижаю голос, потому что не хочу, чтобы нас кто-то услышал. Прежде всего я не хочу, чтобы что-то узнал Ашер. – Боюсь, что кто-то вынул кошелек из моего рюкзака, пока я отлучалась в туалет.

Она наклоняется ближе ко мне.

– Вы уверены, что его там больше нет?

Ее взгляд скептичен. Как будто она не может себе представить, что кого-то вроде меня можно обокрасть, ведь я одета в простые джинсы и толстовку. Она так пристально сканирует меня взглядом, что я буквально могу это почувствовать.

– Да, я уверена в этом.

Мне не хочется сейчас поддаваться панике, и я заставляю себя дышать спокойно. Слишком много событий для одного дня, и я думаю о том, что только сегодня утром вывела своей перьевой ручкой в ежедневнике Обри:

Ну, судя по тому, что сейчас творится, это определенно правда.

– Вы уже везде проверили? Может быть, он лежит у вас в кармане?

Я приподнимаю одну бровь, потом демонстративно похлопываю по правому бедру.

– Совершенно точно нет. Я действительно все обыскала.

– В туалете тоже? Может быть, вы положили его рядом с раковиной?

Можно подумать, что одного глупого вопроса было недостаточно. Черт, меня вот-вот накроет волной паники. Дышать становится все тяжелее, а пульс отдается в висках. Я стараюсь не показывать этого, медленно вдыхая и выдыхая.

– Нет, этого не могло быть. Я торопилась и оставила все в рюкзаке. Он все время лежал на моем месте. – От надменного выражения лица стюардессы я начинаю закипать от гнева. – Возможно, конечно, что мой кошелек так жаждал поездки и сам вылез из кармана. Может, в вашей практике случалось и такое?

Тем временем остальные пассажиры обратили внимание на наш разговор и начали перешептываться. Обычно я не настолько грубая, но это, должно быть, связано с моим отчаянием. Или это все из-за присутствия Ашера. Уголком глаза я замечаю, как он поворачивается к нам, и в очередной раз становится очевидно, что ни у одного другого человека на свете не бывает столь насмешливо-надменного выражения лица.

– Дело в том, – говорит стюардесса, и при этом становится заметно, что ей больше всего хотелось бы сейчас закатить глаза, – что, к сожалению, мы не можем следить за ручной кладью всех пассажиров. Чемоданы, разумеется, застрахованы, но за свой рюкзак несете ответственность только вы. – Она поворачивается к моей соседке: – Вы что-нибудь видели?

– Простите, нет.

Голова женщины в солнцезащитных очках даже не шевельнулась, когда она сказала это. Я уже даже сомневаюсь, что эта женщина способна произнести еще хоть какие-то слова. Нервничая, я начинаю пожевывать нижнюю губу.

– Тогда даже не знаю… Может, вы позвоните в полицию, прежде чем пассажиры покинут самолет?

Стоит мне произнести это, я тут же осознаю, насколько нелепо это прозвучало. Стюардесса пренебрежительно пожимает плечами. Ее глаза говорят о многом.

– Мы не можем поставить всех пассажиров под подозрение из-за вас. Я не думаю, что в этой ситуации…

– Дело просто… В моей платиновой карте.

Я жду, что выражение ее лица изменится, как это бывает в большинстве случаев, когда в помещении звучит такое словосочетание, как «платиновая карта». Когда глаза стюардессы увеличиваются, а ее лицо меняется от «благосклонного» к «чрезвычайно обходительному», мне становится стыдно, потому что это был довольно жалкий ход с моей стороны. Кроме того, это не моя кредитная карта, даже несмотря на то что на ней написано мое имя. Это карта моего отчима. Вот так просто – все мое «богатство» принадлежит ему.

– Ах, забудьте, – отмахиваюсь я и уклоняюсь от заинтересованного взгляда Ашера. Дернув за молнию своего рюкзака, я закидываю одну лямку себе на плечо. Она оттягивает мне волосы, но я оставляю все как есть, потому что заслужила эту боль.

– Это только моя вина. Вы ведь ничем не можете здесь помочь, – говорю я извиняющимся тоном. Почему я и в самом деле не пошла в туалет, не взяв с собой рюкзак? Я не просто злюсь на себя, теперь я по-настоящему в отчаянии, у меня больше не получается скрывать это, и стюардесса уходит с сострадательным видом.

Следующие несколько минут я перебираю в мыслях, что мне нужно сделать, и, составив план, снова успокаиваю себя: заблокировать кредитную карту, найти такси и попросить водителя подождать, пока я попрошу домработницу Ричарда заплатить за меня. А потом нужно выяснить, как заменить остальные карты в кошельке. Это все крайне неприятно, но все же не катастрофа. Во всяком случае, я не собираюсь просить Ашера о помощи и ехать на остров с ним. Я просто не могу этого сделать.

Когда самолет приземляется и я спешу вместе с другими пассажирами по длинному коридору к аэропорту, я подумываю спрятаться в одном из местных магазинчиков, пока Ашер не передумает меня ждать.

Однако оказывается, что в этом нет необходимости, потому что у багажной ленты его уже и след простыл. Мои глаза сканируют все вокруг, но нигде не

могут разглядеть его джинсовую рубашку и темно-русые волосы. А чего я ожидала?

Плюс ко всему прочему ко мне подходит женщина, которая развлекалась с ним в туалете самолета. На ней невероятно высокие ботинки, удлиняющие ноги на добрый километр, и я невольно бросаю взгляд на потертые черные ботильоны, которые надеваю почти каждый день.

– Я Каденс Сойер.

Она бросает на меня любопытный взгляд.

– Айви Блейкли, – на автомате ответила я, хотя на самом деле не заинтересована в том, чтобы водить дружбу с подружками Ашера. Она действительно красива, но значительно старше его и соответственно намного старше меня. Я помню, что у Ашера вообще-то всегда были девушки старше его, но мне интересно, почему опытная девушка связывается с парнем, который настолько очевидный придурок?

– У тебя такая же фамилия, как у Ашера. – Каденс выглядит удивленной.

– Дело в том, что мы родственники, – бормочу я и тут же осознаю, что это ошибка и она теперь не отвяжется от меня.

– Вы родственники?

Я вздыхаю, потому что теперь это тоже не имеет значения.

– Ашер мой сводный брат.

– Оу. – Теперь на ее лице отражается искреннее любопытство. – Я так и подумала, что вы каким-то образом знакомы. Значит, он твой брат. – она смеется. – Это так здорово.

Я держу язык за зубами, потому что не понимаю, что в этом всем так «здорово». Это все равно что радоваться генетическому дефекту.

– Сводный брат, – повторяю я, хотя и это на самом деле не так, потому что его отец Ричард Блейкли удочерил меня после свадьбы с моей матерью. Тогда мне было двенадцать, и я уверена, если бы он знал, что моя мать умрет через три года и тем самым возложит на него всю ответственность за меня, он еще раз обдумал бы момент с удочерением.

Каденс смотрит на меня с любопытством, но я не обращаю на нее внимания и вместо этого гипнотизирую пустую багажную карусель, которая проносится мимо нас. Наконец появляются первые предметы багажа, и Каденс снимает с ленты супершикарный и прочный жесткий чемодан. Мне почти неловко следом за ней хвататься за свою старую бесформенную спортивную сумку, но я быстро отталкиваю эту мысль. В конце концов, я купила ее на собственные деньги, а не взяв у Ричарда. Тем не менее я замечаю, как Каденс, сбитая с толку, поднимает бровь, когда замечает мой багаж.

– Переживаешь не лучшие времена, да?

Когда мы вместе идем к выходу, я обнаруживаю один из тех рекламных стендов «American Express»[3 - Американская финансовая компания.], где сотрудники пытаются привлечь новых клиентов, и с облегчением останавливаюсь.

– Извини, Каденс. Мне было очень приятно познакомиться с тобой, но мне срочно нужно… домой.

Сказав это слово, я не могу удержаться от глубокого вздоха.

– Мне просто еще надо кое-что сделать. Может быть, мы увидимся позже. Так что если… ты и Ашер… вы давно знакомы?

Под этим вопросом я подразумеваю, прошло ли хоть полчаса, прежде чем он исчез с ней в туалете, но произнести это я пока не могу. Только боюсь, что Каденс в любом случае сможет и так прочитать мои мысли по лицу.

Она останавливается, но выглядит совершенно непринужденно.

– Честно говоря, я знаю Ашера довольно давно. Может быть, это шокирует тебя, но время от времени, когда мы оба желаем этого, мы встречаемся. Впрочем, о

тебе он никогда ничего не рассказывал.

Ее взгляд задумчиво проходится по мне с головы до ног, словно она всерьез этоим удивлена.

Впрочем, меня это нисколько не удивляет.

– Прости, я не хотела быть излишне любопытной. Все это действительно не мое дело. Но, если честно, – я глубоко втягиваю воздух, – на твоем месте я бы, наверное, заблокировала его номер.

Каденс начинает смеяться.

– Ты права, – говорит она. – Это действительно не твое дело.

Легким движением руки она поправляет свои длинные волосы, укладывая их на правое плечо.

– Может быть, мы действительно когда-нибудь еще увидимся, Айви Блейкли.

Она машет мне на прощание рукой.

– Да, пожалуй, – говорю я максимально спокойно. И я решаю для себя в ближайшие дни избегать ее и в особенности Ашера.

Глава 2

Я стою перед зданием аэропорта, где солнце настойчиво светит мне в лицо. Не в силах сопротивляться своему порыву, я начинаю блуждать взглядом по улице. Даже если это бессмысленно, я надеюсь увидеть «Форд F», проносящийся мимо меня, или другой пикап огромных размеров, который, по моим представлениям, отлично подошел бы Ашеру. Но разумеется, мой сводный брат уже давно далеко отсюда. Он определенно услышал, что у меня украли кредитную карточку, и все же Ашер бросил меня на произвол судьбы. Так что его вопрос о том, должен ли

он меня подвезти, был просто пустой болтовней. Разумеется, я не жду от него никакой помощи, но то, что он не воспринял собственное предложение всерьез, – лишь одна из причин, по которой я злюсь. Вторая – вид его задницы, который засел в моей голове, словно клещ. Снова и снова я вижу перед собой Ашера и его сокращающиеся мышцы – теперь я действительно предпочла бы забыть об этом.

Поскольку на улице очень тепло, я снимаю толстовку и запихиваю ее в спортивную сумку. Я откидываю челку со лба, левой рукой закрываю лицо от солнца, а правой набираю номер в надежде, что Обри больше не сидит в университете и возьмет трубку. У нее в отличие от меня впереди еще два заключительных экзамена, и она сможет поехать домой только в конце недели. Последние несколько лет я всегда ездила с ней и хочу сделать это снова, как только улажу все вопросы с отчимом, потому что теперь я уже мучительно скучаю по ней, по ее маме и Мэй.

Раздается четыре гудка.

– О боже, неужели все настолько плохо? – спрашивает она еще до того, как я успеваю опомниться. – Я ожидала твоего звонка не раньше сегодняшнего вечера. Блейкли уже доконали тебя?

Я щурюсь на пожилого мужчину в тюрбане, который, нагруженный несколькими пластиковыми пакетами, ожидает свободное такси, и поворачиваюсь в сторону, как будто так смогу помешать ему подслушать наш разговор.

– Еще даже не доехала туда, – признаюсь я ей. – Но в самолете я встретила Ашера, и он… – я останавливаюсь, потому что не хочу жаловаться. Обри уже столько наслушалась от меня на тему Ашера, что хватит на ближайшие двести лет. – И у меня украли кошелек.

– Вот проклятье.

– Не столь трагично, – быстро говорю я. – Я смогла заблокировать свою кредитную карту еще в аэропорту. Но эта беготня, чтобы получить новые водительские права и все такое… Можно было бы обойтись и без этого.

– У тебя много наличных с собой?

Я фыркнула.

– У меня когда-нибудь бывают наличные?

– Значит, нет. Ну хоть что-то?

– Вообще-то я не хочу говорить об этом, но у меня такое чувство, что у меня сейчас лопнут все вены. Можешь как-нибудь отвлечь меня? Как прошел твой день?

Обри глубоко вздыхает, но не мучает меня расспросами. Она точно знает, что происходит у меня внутри, ведь мы уже много лет делили комнату в интернате и теперь живем вместе в общежитии. То, что я не хочу говорить об Ашере, наверняка сообщает ей больше, чем мне хотелось бы. Я прислушиваюсь к ее тихому дыханию, которое звучит так глубоко, как будто в него можно нырнуть, а потом она начинает рассказывать. Про Тейлора, который сегодня в столовой накрошил ей печенье в макароны. Про ее доклад, который она читала в поэтической мастерской, и, наконец, про декана Страута, который застукал Обри за подготовкой к ее подработке в качестве актрисы озвучки. При этом ее голос нервно повышается.

– Для очередной мыльной оперы? – спрашиваю я. Обри почти год дарила свой голос одной молодой сеньорите из мексиканского сериала. Пока героине не суждено было умереть.

– Если бы… – Обри тяжело вздыхает. – Для одного из этих японских аниме-порно. Я не знаю, почему они вообще предложили мне эту роль. Зачем в принципе нужно озвучивать нечто подобное? Там же нет никаких глубокомысленных диалогов. Мало того, что этот женский образ сам по себе отвратителен, но ты не можешь себе представить, как ужасны эти животные стоны!

О нет, я прекрасно могу себе это представить. Я думаю об Ашере, Каденс и туалете на борту самолета.

– Ну, по крайней мере, тебе не нужно запоминать много текста.

– Ха-ха. Не смешно. Обычно мы никогда не видим сценарий заранее, тексты предоставляются лишь незадолго до записи. Но я взяла себе один фрагмент старого сценария, чтобы попрактиковаться в этом. Я осталась в холле за спортивным залом, в поле зрения не было видно ни единой души, даже никого из этих футбольных фриков. И как раз в тот момент, когда я издала первый стон и, признаться честно, произнесла довольно вульгарную фразу, за мной вдруг возник декан Страут.

Мне приходится прикусить себе руку, чтобы не рассмеяться вслух.

– О боже. Наверное, он подумал, что тебе нужна помощь.

– Айви, я думала, что умру. Я показала ему текст и объяснила, что между делом занимаюсь озвучкой, чтобы немного заработать на этом. Но он не поверил ни единому моему слову. Наверное, теперь декан думает, что я сама пишу эти дурацкие тексты и загружаю их на какие-нибудь сайты под псевдонимом.

– Или, что еще хуже, он думает, что ты хочешь быть актрисой, как твоя мама.

Мама Обри довольно успешна с тех пор, как появилась в качестве детектива в одном из сериалов Netflix. Но она считает, что ее дочь все равно не должна в этой жизни получать все даром. Поэтому, хоть она и оплачивает все, что касается университета, на каждую маленькую роскошь Обри должна заработать сама, пусть это и касается в основном только пары новых шмоток.

– О боже, я даже не думала об этом! Тогда сегодня ночью этот старпер наверняка будет искать мое имя на каких-нибудь порносайтах.

Мне остается только хмыкнуть.

– Ты победила. Твой день определенно ужаснее моего. Ни одна встреча с Ашером не может быть настолько плохой, как мысль о Страуте, который сидит перед своим компьютером со спущенными штанами, пока кликает по фотографиям на твоей странице в Фейсбуке.

Я поднимаю взгляд и смотрю прямо в глаза мужчине в тюрбане, который сдвинул брови и сердито пожевывает что-то, похожее на корень мисвака[4 -

Щетка для чистки зубов, сделанная из веток и корней дерева арак.]. Словно извиняясь, я пожимаю плечами.

– О боже, не нужно сеять эту мысль в моей голове. Никаких образов, ла-ла-ла-ла-ла. – Обри помолчала, потом спросила почти испуганно: – Ты действительно думаешь, что он зайдет на мою страницу в Фейсбуке?

Я киваю, чего Обри, конечно, не видит.

– И на твой профиль в Инстаграме.

– Я немедленно закрою их, – грозится она. Затем Обри неожиданно начинает смеяться. – Ну что, отвлеклась немного? Если так, то все эти неприятности были не зря.

– Спасибо. Когда я знаю, что твоя жизнь еще хуже моей, то чувствую себя намного лучше. Ты настоящая подруга.

– Обращайся.

– Неужели ты и в самом деле будешь участвовать в этой записи? Аниме, я имею в виду.

– Ни в коем случае, я не могу так поступить с мамой. Даже под псевдонимом. Я только что отправила в студию письмо с отказом. Вообще-то я думала, что это легкие деньги, но такое не для меня. Отныне я интересуюсь только мыльными операми. Или можно снова озвучивать маленьких мальчиков в мультиках. – Я слышу, как Обри вздыхает, а затем захлопывает дверцу шкафа. – Мне пора. Мама пригласила меня сегодня на ужин, и я еще хочу успеть переодеться, хотя у меня нет желания проводить вечер с ее новым парнем.

– Я думала, в прошлый раз он оказался довольно милым.

– Да, но происходящее как-то не вызывает у меня доверия. Он так любезен, словно они с мамой уже планируют следующий шаг! Но при этом знают друг друга всего месяц. Наверняка он бегает за ней только потому, что мама знаменита. Так что ты определенно счастливица, потому что твой отчим не

знакомит тебя постоянно с потенциальными новыми мамами.

Я знаю, что Обри говорит это не всерьез, тем не менее сказанное ставит меня в тупик. Я готова смириться с любой неприятностью, лишь бы иметь хотя бы одного родителя. Я имею в виду родного, обеспокоенного моей жизнью, а не просто отчима, который не хочет, чтобы я путалась у него под ногами.

– Ну, – говорю я, – кто знает, что ему теперь от меня надо. Но мне на самом деле все равно. – Если я повторяю себе эту фразу достаточно часто, то начинаю и сама верить в свои слова. – Наверное, Ричард просто хочет поговорить со мной, потому что понял, что в девятнадцать лет я должна твердо стоять на ногах и теперь он может избавиться от старых обязательств.

Тут мы могли бы достигнуть взаимопонимания, потому что я тоже хотела бы избавиться от кое-каких старых воспоминаний.

– Я так не думаю. Если только его компания не на грани разорения и он больше не может платить за твою учебу.

– Не могу представить себе подобного.

Предположение Обри я тут же отмела, покачав головой. Прадед Ричарда – Уильям Блейкли – основал корпорацию «Блейкли» более девяноста лет назад, его отец Энтони продолжил это дело, но только Ричард превратил компанию в крупную корпорацию. Тот факт, что у него могут быть финансовые проблемы, выходит за рамки моего воображения. Ричард Блейкли без своей компании немыслим, и, кроме того, этот логотип действительно повсюду. Они делают поставки даже в Белый дом.

– А разве ты не рассказывала, что он довольно религиозен? Возможно, Ричард присоединился к какой-то секте и теперь хочет, чтобы и ты вступила в сообщество.

– Ты спятила. Он всего лишь католик, а не сторонник секты. Но спасибо, твои домыслы действительно очень помогают мне успокоиться.

Обри вздыхает.

– Прости, я не специально. Может быть, я тоже нервничаю. Совсем капельку. Если тебе нужно будет поговорить со мной сегодня вечером, просто позвони, ладно? То есть нет, лучше напиши мне сообщение, а потом я проберусь в туалет в ресторане. Наверное, мама снова потащит меня в один из этих храмов роскоши, где нельзя пользоваться своим телефоном.

– Договорились. И не будь так сурова с новым парнем мамы. Скорее всего он просто боится твоей реакции, когда прозвучит признание, что они хотят пожениться.

Я показываю Обри язык, даже если она не может этого видеть.

– Ты только что показала мне язык?

Я смеюсь. Она слишком хорошо меня знает.

– Пожениться! Черт! Поговорим позже. И держи выше нос!

Затем она кладет трубку.

Все еще ухмыляясь, я убираю телефон обратно во внешний карман своего рюкзака. Делаю шаг вперед, потому что мужчина с тюрбаном как раз укладывает свои огромные пакеты в багажник такси и моя очередь ловить машину. Вдруг внезапно приблизившийся автомобиль заставляет меня испуганно отпрыгнуть назад. Я даже не слышала шума мотора и, подавив ругательство, бросаю злобный взгляд на темное тонированное боковое окно, возникшее прямо передо мной. Стекло опускается.

– Залезай, – велит мне голос. Я прищуриваю глаза, чтобы хоть что-нибудь разглядеть внутри, но мурашки, которые пробегают по моему телу при тембре этого голоса, на самом деле делают все это ненужным.

Ашер.

Но Ашер – и на электромобиле? Это те вещи, которые я не могу сопоставить между собой. Автоматически мой взгляд направляется к багажнику, где сквозь стекло я вижу огромную решетку.

– В багажнике нет места. Просто брось сумку на заднее сиденье.

В следующее мгновение задние боковые двери двигаются вверх, делая автомобиль похожим на насекомое с расправленными крыльями, которое собирается взлететь прямо сейчас. Теперь я также понимаю, для чего предназначена странная решетчатая рама в багажнике – это ящик для перевозки собак.

– Думала, ты уже уехал, – говорю я несколько беспомощно, потому что не могу решить, должна ли испытывать облегчение от того, что Ашер все-таки дождался меня, или же мне больше хочется продолжать злиться на него.

– Парковка в самой заднице этого аэропорта, мне нужно было сначала добраться до шаттла. Ну так что?

Ашер смотрит на лобовое стекло, полностью игнорируя меня, что провоцирует неприятное чувство в моем животе. Неужели он думает, что я тут же радостно запрыгну в его машину только потому, что он мне это говорит? Даже не глядя на меня?

– Что ж, мило с твоей стороны, но тебе не нужно обременять себя моим обществом, меня уже ждет такси. Увидимся позже!

Я просто ухожу, оставив его. Да, знаю, что это неблагоразумно, потому что у меня нет денег, но я просто не могу иначе. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что не могу видеть его глупое лицо прямо сейчас. Ведь он, бьюсь об заклад, этого не ожидал. Внутренне я даю себе пять, взваливая сумку на плечо. Я справлюсь! Я выдержу нужное время здесь, и, может быть, мне даже удастся повеселиться, если я смогу продолжать так смотреть на Ашера. В конце концов, мне больше не пятнадцать.

Такси подъезжает и тормозит в положенном месте. Я подаю знак водителю и шагаю к машине, но еще до того, как оказываюсь хотя бы в зоне досягаемости дверной ручки, мимо меня проносится пожилая пара. Женщина почти отталкивает меня своей сумочкой, а ее муж стремительно открывает дверь. Через несколько секунд я вижу, как загораются задние фары.

Совершенно ошарашенно я смотрю вслед такси, глубоко вдыхая и выдыхая. Все происходит не на самом деле, не так ли? Все еще глядя в ту сторону, где исчезло такси, я понимаю, что машина Ашера снова двигается в моем направлении. Слышится только шуршание шин, поскольку двигатель абсолютно бесшумный. Из недр машины раздается «Love Is Madness» группы Thirty Seconds To Mars, и я на мгновение сжимаю губы, прежде чем повернуться к машине Ашера.

– Хорошо, ты победил. Но можешь хотя бы включить другую песню?

Ашер по-прежнему смотрит вперед, но правый уголок его рта вздрагивает в усмешке.

– Моя машина – моя музыка.

А Ашер сама отзывчивость. А я прямо-таки преуспела в своем стервозном плане просто отшить его и оставить здесь.

Подавив стон, я бросаю свою спортивную сумку на заднее сиденье и смотрю, как двери машины снова закрываются. Затем я пытаюсь открыть пассажирскую дверь, но ручка как-то так по-дурацки встроена, что за нее не ухватиться.

– Нужно ли произнести какое – то заклинание, чтобы открыть ее?

– Ага.

– Сезам, откройся?

Даже не видя другой стороны его лица, я знаю, что он улыбается.

– Попробуй так: «Пожалуйста, о, великий Ашер, не могли бы вы открыть мне дверь? Я готова на все, чтобы поехать в вашей машине».

– Ну, не знаю, – сухо отвечаю я. – Не могу ли я вместо этого просто продать свою душу?

Ашер смеется.

– Твое тело – может быть, но кому нужна твоя душа?

Какой же он придурок! Я подумываю вывалить ему на голову содержимое своего рюкзака, но отбрасываю эту идею, потому что слишком ценю мой ежедневник и карандаши.

Ашер, ухмыляясь, нагибается через пассажирское сиденье и подмигивает мне. На мгновение мне показалось, словно кто-то зажег свет в его глазах, потому что янтарные пятна вспыхнули на солнце, будто золото.

– На самом деле, если нажать на ручку снаружи, дверь откроется сама по себе. Но эффектно также выглядит, если я…

Он снова выпрямляется и нажимает на огромный дисплей в центре приборной панели, и пассажирская дверь автоматически распахивается.

Я опускаюсь на сиденье, и меня тут же охватывает его запах. Ашер все еще пахнет мылом «Блейкли» и по?том, что я, на удивление, не нахожу нисколько неприятным. Скорее наоборот. Тем не менее мне хотелось бы, чтобы между нами было больше пространства, а не просто приборная панель. Океан стал бы идеальным вариантом.

Одним щелчком я пристегиваю ремень и смотрю на дисплей, на котором изображена 3D-версия карты.

– Это мне кажется немного странным, – говорю я, поправляя рюкзак на коленях. – Вождение электромобиля и при этом полеты на небольшие расстояния на самолете, которые являются причиной выброса больших объемов углекислого газа в атмосферу? Разве это не выглядит несколько нелогично?

Ашер пожимает плечами.

– Папа заказал билет и транспортировал мою машину сюда. Я на самом деле хотел остаться в Нью-Йорке еще на несколько дней из-за встреч по работе, а потом вернуться на поезде. И к тому же… – он вытаскивает свой телефон из центральной консоли и открывает какое-то приложение, в котором он быстро что-то набирает, – в качестве компенсации за полет… – клик, клик – я только что

пожертвовал сто долларов для «myclimate»[5 - Некоммерческая организация по защите климата.].

– Ничего себе, – говорю я. – Это очень великодушно с твоей стороны. Должно быть, здорово, когда можно все уладить с помощью денег.

Я просто не могу удержаться и злюсь на себя, потому что знаю, что не должна провоцировать Ашера. Отчасти потому, что пожертвование все-таки является достойным поступком.

– Ты говоришь, полагаясь на собственный опыт? – он иронично смотрит на меня с поднятыми бровями. – Ах, постойте, ты ведь не зарабатываешь деньги сама, прости. Каково это – тратить деньги моего отца? Тебе нужно было привыкнуть к нечистой совести, или это даже доставляет удовольствие – полностью игнорировать ее?

Я знала, что пожалею об этом. Одна минута с Ашером – и мне уже больше всего на свете хочется ударить его по лицу. Кирпичом. Лямку моего рюкзака я обвиваю вокруг руки так крепко, что кровь прекращает нормально циркулировать в ней, но это слабо утоляет мою ярость.

– Привыкаешь, и это доставляет удовольствие, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы и слышу, как Ашер фыркает. Я не отпускаю лямку до тех пор, пока моя рука не немеет. Покалывание, пульсирующее после этого по моим пальцам, гарантирует, что я могу полностью сосредоточиться на боли и у меня получится ничего ему больше не отвечать.

Ашер трогается с места, и хотя он даже не нажимает на газ как следует, мой желудок начинает скручивать от беспокойства. Невольно я пытаюсь отыскать на двери какую-нибудь ручку, чтобы держаться, потому что боюсь, что он хочет мне что-то доказать. Я до сих пор помню, как раньше он гонял по окрестностям на своем мотоцикле, и совсем не в восторге от мысли пережить подобное на собственной шкуре, даже если вокруг меня успокаивающе много защищающих металлических листов. Но Ашер всего лишь неторопливо включается в плавное движение, и напряжение в моем желудке утихает. С облегчением я выдыхаю, потому что манера вождения Ашера вовсе не такая, как я ожидала от него. Он едет довольно осторожно, держит нужную дистанцию между другими автомобилями и несколько раз тормозит, чтобы пропустить пешеходов.

Навигатор Ашер не стал настраивать, но я предполагаю, что до острова мы доберемся не меньше чем через час.

Один час с Ашером – это мне под силу.

Но когда он ненадолго останавливается на обочине, чтобы снять джинсовую рубашку, я уже не так уверена в этом. Футболка под ней такая облегающая, что я вижу, как играют мышцы его плеч. Когда Ашер снова трогается и свободно опускает правую руку на свое колено, от нервозности я начинаю считать нитки, торчащие на потертом месте его джинсов прямо возле его ладони. У Ашера, к сожалению, возмутительно красивые руки. Они крепкие и загорелые, ногти короткие и ухоженные, а на правой руке у него маленькая родинка точно в изгибе между большим и указательным пальцами. Когда он сжимает кулак, как сейчас, на тыльной стороне его руки выступают отдельные венки.

– Ты пялишься на меня.

Я вздрагиваю. Как он понял это, даже не взглянув на меня ни разу?

– Нет, я не пялюсь.

– Тогда, наверное, это должно быть солнышко, которое прожигает мне дырку в ногах. При этом я могу даже поклясться, что ты рассматриваешь мои джинсы.

Я не хочу краснеть, но боюсь, что это мне не под силу.

– Мне просто было интересно, как часто ты ходишь на маникюр. Это такой стандарт для человека, работающего в корпорации «Блейкли»? Раз в неделю к вам приходит маникюрщица и по очереди занимается руками менеджеров?

Я с трудом сдерживаю смех, представляя себе это.

Судя по всему, Ашер солидарен со мной, потому что он вдруг начинает смеяться, и на этот раз не язвительно, а почти… мило. Веселье полностью меняет его лицо, осанку, да и просто всю атмосферу в машине. Я чувствую покалывание, мурашки, роящиеся в желудке, но на этот раз дело не в досаде. Покалывание приятное, теплое и какое-то радостное. Происходящее совсем не соответствует

моим ожиданиям по поводу поездки на машине со сводным братом.

– Обычно нет, – признается он. – Но несколько дней назад у нас была встреча с прессой, и они очень хотели сфотографировать мои руки с нашим мылом.

– И ради этого ты сделал маникюр?

– Первый и последний в моей жизни, – объясняет он. – Но отделу маркетинга это понравилось, и они планируют использовать фотографии для серии плакатов. Так что скоро ты сможешь любоваться моими руками размером с Кинг-Конга по всей стране.

– Потрясающе.

Этого мне еще не хватало. Так, значит, даже в Нью-Йорке я не смогу никуда спрятаться от мыслей о руках Ашера – и о том, что он вытворял ими недавно в туалете на борту самолета. Вместо рук теперь я снова вижу перед собой другую часть его тела, и у меня пересыхает горло.

– Ты действительно давно знаешь Каденс?

Без понятия, почему я вообще спросила его об этом, потому что она уже дала мне ответ на этот вопрос. Наверное, я просто не могу вынести тишины между нами. Или хочу вспомнить, какой он осел, теперь, когда этот разговор проходит почти дружелюбно.

– Кого?

Он поднимает одну бровь.

– Это так жалко, – отвечаю я, и он усмехается. Ашер точно знает, о ком я говорю, и просто хочет поставить меня в неловкое положение. Тем не менее я подыгрываю ему: – Каденс – девушка из самолета. Может быть, ты все-таки припоминаешь? У нее светлые волосы, длинные ноги и красивое лицо с первыми морщинками вокруг глаз. Она, наверное, где-то на пятнадцать лет старше тебя.

– Ах, эта Каденс.

Его ухмылка медленно исчезает.

– Это подруга моего приятеля Лиама, ты его не знаешь, мы были вместе в Дартмуте. В позапрошлом году мы тусовались вместе в Нью-Йорке на музыкальном фестивале «Governors Ball». Вы с ней говорили?

Я не отвечаю на вопрос, вместо этого просто ошарашенно пялюсь на Ашера.

– Ты был на фестивале «Governors Ball»? Ты видел Шона Мендеса на острове Рэнналдс? Вживую?

Он окидывает меня мрачным взглядом.

– Если бы я знал, что ты этим так увлечена, я бы промолчал, – грубо отвечает он. – И прежде чем ты спросишь – нет, я не стану включать песни Шона Мендеса. В противном случае моя машина не выдержит.

Ашер прикасается указательным пальцем к дисплею, и музыка, которая до сих пор звучала фоном, утихает.

– Бедная машина.

Невольно я улыбаюсь. Но потом думаю о том, что раньше в моей комнате на острове у меня на стене висел плакат с Шоном Мендесом. Ашер мог бы вспомнить об этом. Но конечно, только в том случае, если за последние четыре года он хоть раз подумал обо мне.

– Так чего ты хотела от Каденс? – спрашивает он.

– Я… вообще-то, ничего. Она заговорила со мной, пока мы ждали наш багаж. Думаю, она просто хотела узнать, хорошо ли мы оба – то есть ты и я – знаем друг друга. В другом смысле, то есть. – Я не мастер объясняться, но, думаю, Ашер и так поймет, что я имею в виду. – Она была очень удивлена, узнав, что ты мой… брат.

Я делаю акцент на этом слове и поражаюсь, заметив, как Ашер вздрагивает при этом.

– Твой брат. – Он сжимает челюсти, и я вижу, как твердеют мышцы на его щеках. При этом напряжено не только его лицо, но и руки обхватывают руль с такой силой, что костяшки белеют. – Я никогда им не был, Айви, – говорит Ашер.

Это словно удар в живот. Боль настигает меня неожиданно, я не могу защититься от нее. Я знаю, что он ненавидит меня, осознавала это все эти годы, но тем не менее мне бесконечно больно слышать это сейчас прямо из его уст.

«Я никогда им не был, Айви».

Я задерживаю дыхание, боясь издать еще какой-нибудь звук, который выдал бы мои чувства, и быстро отворачиваюсь к окну. И зачем я только сказала это? Если бы я знала, что он так грубо отреагирует, я бы никогда не произнесла этих слов. Моргая, я смотрю на улицу. Деревья тянутся ко мне, словно в калейдоскопе, – хаос света и красок. Я прижимаюсь лбом к прохладному оконному стеклу и проглатываю боль.

– Как долго ты пробудешь здесь? – спрашивает Ашер. И я чувствую скрытый подтекст.

Как долго мне придется терпеть тебя? Сколько ты еще будешь сидеть на шее моего отца? Когда ты наконец исчезнешь?

Я понятия не имею, чего хочет от меня его отец или сколько времени это займет, но ответ должен успокоить в первую очередь меня саму.

– Я собираюсь уехать не позднее субботы.

Ашер с облегчением выдыхает, и мне кажется, что это даже хуже, чем если бы он просто сказал мне: «Убирайся из моей жизни!»

Глава 3

Мы проезжаем мимо поля для гольфа и медленно тащимся за автобусом, который едет впереди нас довольно долго. Проходит несколько минут, прежде чем я беру достаточно контроля над своим голосом, чтобы заговорить снова.

– Твой отец позвал меня сюда, но он не сказал, в чем дело.

Я не намеренно делаю акцент на слове «твой», но тем не менее надеюсь, что Ашер сочтет это предложением перемирия, потому что я говорю только о его отце. – Может быть, ты знаешь, для чего?

– Без понятия. Он и мне тоже прислал только билет на самолет. Я не видел его уже две недели и за это время даже по телефону разговаривал с ним всего один раз. И у нас, разумеется, были темы для разговора получше, чем твоя персона.

Разумеется.

Его голос звучит равнодушно. Поскольку Ашер больше ничего не говорит, а только упрямо смотрит перед собой на проезжую часть, я смиряюсь с этим и так же упрямо смотрю в окно. Через некоторое время я со вздохом открываю свой рюкзак и вытаскиваю Хедвига. Свое имя мой ежедневник унаследовал от совы Гарри Поттера. У него белоснежная обложка, на которой красуется ровная черная надпись. И так же как почтовая сова знаменитого волшебника приносит письма, так и я в своем Хедвиге коллекционирую небольшие послания самой себе. У Обри есть аналогичный ежедневник, и он носит имя Эррол – в честь гигантского сыча семьи Уизли.

Мои пальцы скользят по обложке. До сих пор рисование всегда помогало мне упорядочить мысли и почти сразу же успокаивало меня, так что я надеюсь, что так будет и сейчас. Хедвиг для меня как дневник, хотя я никогда не стану излагать в него свои личные мысли, а буду записывать лишь отдельные фразы и высказывания. Потому что с дневниками, которые лежат на видном месте, у меня уже был плохой опыт. Плохой опыт, в котором мой сводный брат сыграл немалую роль. Но даже без записей, просто взглянув на эти нарисованные фразы, я сразу вспоминаю, что произошло в тот или иной день.

Искоса взглянув на Ашера, я раскрываю свой ежедневник. Хотя он не мог бы вычитать ничего личного в моих записях, мне хочется избежать очередных

насмешек с его стороны. В самом начале на пунктирных линиях первой страницы красуется афоризм, который я вывела на этой странице год назад – вскоре после того, как мы с Обри вместе решили пойти в один и тот же университет: «Nil sine magno labore».

Это девиз Бруклинского колледжа, при виде которого у меня всегда сразу мурашки по коже. Это помогает мне снова сосредоточиться исключительно на своих целях и не обращать внимания на все остальное. «Nil sine magno labore» – «жизнь ничего не дает человеку, если он не приложит большого труда». Прочитав эту фразу, я снова вспоминаю, для чего все это делаю. Почему я провела последние годы в интернате, для чего вернулась сегодня и зачем встречусь с Ричардом и его сыновьями. Почему я не рыдаю, когда думаю о прошлогоднем Дне благодарения, Рождестве или Дне независимости. Ну, в большинстве случаев. Стоп, стоп. Это касается не только прошедшего года. За последние несколько лет все эти праздники не вызвали у меня даже грамма восторга.

Я хочу окончить учебу, чтобы наконец стать совершенно независимой. Как только у меня будет диплом в кармане и работа в перспективе, я смогу полностью разорвать отношения с семьей Ричарда. И я смогу забыть все, что было связано с Ашером. Возможно, в какой-то момент у меня получится почувствовать запах мыла «Блейкли», и мое сердце не будет при этом болезненно сжиматься. Возможно, тогда я даже не буду вздрагивать, увидев руки Ашера на большом экране.

Ладно, на самом деле мне кажется, что этому не бывать. Мои раны никогда не заживут окончательно.

Со вздохом я перелистываю несколько страниц, пока не попадаю на первую чистую. Затем без особых раздумий я начинаю рисовать на гладкой бумаге изогнутую линию, переходящую в букву. Обычно я сразу чувствую, как сосредоточенность на букве заставляет угомониться мои бешеные мысли, но на этот раз я лишь относительно преуспеваю в этом. Тем более машина подпрыгивает, и я делаю помарку на первой же букве. Вот-вот мы с Ашером проедем по мосту и окажемся на территории острова. Словно я переступлю невидимую черту. Границу, которую я даже мысленно не пересекаю в повседневной жизни.

К счастью, кажется, что Ашер не особо интересуется тем, чем я здесь занимаюсь. Он только время от времени бросает взгляд на зеркало заднего вида.

Я заканчиваю фразу и увожу нисходящие штрихи в широкие полосы, затем украшаю все это с помощью белого маркера несколькими бликами. Довольная результатом, я закрываю свой ежедневник. Прячу Хедвига в рюкзак и вместо него достаю оттуда древний учебник. «История искусства» Эрнста Гомбриха. Но мне быстро становится ясно, что хотя я прочитываю фразы и перелистываю страницы, ничего из этого не укладывается в моей голове.

У меня болит желудок, потому что я не знаю, что меня ждет. Такую реакцию Ашера я могла худо-бедно предвидеть, но его отец Ричард не сказал ничего, адресованного лично мне, и не просил приехать. Нет. Он просто отправил письмо через свою компанию. Это выглядело срочно и в то же время по-деловому – лучше я не могу описать. Билет на самолет, к сожалению, был только в одну сторону.

Так что дорогу обратно мне придется оплачивать самостоятельно, даже если у меня действительно не осталось денег на что-то подобное. Киран будет рад, потому что это означает для меня несколько двойных смен в «Бомбей бистро» в ближайшее время. Вопреки предположению Ашера я вполне хорошо справляюсь с тем, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь, пусть и не очень много. Мне претит пользоваться кредитной карточкой его отца. Я ни за что не продержусь на острове дольше нескольких дней. Об этом мне уже сообщил тугой узел в желудке, образовавшийся, когда я обнаружила логотип «Блейкли» в своей электронной почте.

Время от времени я созванивалась с Хиллари Гиньярд – экономкой Блейкли. Она регулярно спрашивала от имени Ричарда, как у меня дела и не нужно ли мне что-то. И я столь же регулярно лгала ей. У меня все просто отлично. В школе дела идут замечательно. Да, у меня есть куча друзей. Нет, мне не нужны деньги. Я не против того, чтобы не возвращаться домой на День благодарения. Мне вовсе не хочется, чтобы Ричард приезжал навестить меня этим летом. В любом

случае у меня слишком много дел.

Плюс ко всему, Хиллари держала меня в курсе того, что касается моих сводных братьев, поэтому я знаю, что Ашер проходил курсы по управлению бизнесом после обучения на биохимика. Со времен магистратуры он работает в компании, владеет квартирой в Ганновере, а дома появляется редко. Ной, напротив, бросил изучение экономики всего через два семестра и с тех пор, в общем-то, не обозначил никаких жизненных целей. Он доводит своего отца до отчаяния. Во всяком случае, я поняла это из нескольких фраз Хиллари.

Ной купил себе мотоцикл. Ноя ночи напролет не бывает дома. Ной сцепился с шерифом. Теперь Ной живет в квартире в Конкорде. В квартире Ноя произошел пожар. Теперь Ной снова живет дома. У Ноя очередная татуировка…

И она рассказывала о Сэме, своем сыне, который живет с ней в маленьком гостевом доме. За последние годы я ни с кем из них не виделась, и с распростертыми объятиями они меня, разумеется, не примут. Прежде всего потому, что я накричала на Ричарда при нашей последней встрече. Несмотря на то что он пытался позвонить мне после этого, я держала его на расстоянии. У меня просто не получается простить ему тот факт, что он отправил меня в интернат. И каждый раз, когда мы встречались, я заставляла его это почувствовать. Я проглатываю воспоминание и снова смахиваю слезы, желающие вырваться наружу, затем запрокидываю голову.

Крыша автомобиля надо мной состоит из сплошного стеклянного потолка. Она немного затонирована, но видно, как кроны деревьев проносятся мимо так быстро, что глаза не успевают за что-то ухватиться. Только теперь я осознаю, как сильно скучала по этому месту. Несмотря ни на что. Мне не хватало густого леса, света, пронизывающего землю сквозь листья, и особенно этого морского запаха. Небольшие острова между Портсмутом и Нью-Каслом, за исключением тех, которые необитаемы, почти все связаны мостами, ведущими с острова на остров. На машине можно было бы и в самом деле объездить кучу островов. А вот к острову Ричарда есть только один способ проехать, и это всегда меня очаровывало.

– Как же здесь красиво.

– Во всяком случае, здесь все не сильно изменилось.

Ашер бросает на меня косой взгляд, и я только тогда понимаю, что сказала это вслух. Ситуация стала неловкой. Как только Ашер проезжает через лес по Харбор-роуд, а затем поворачивает налево, мой пульс учащается. Когда я впервые приехала сюда с мамой, идея жить на собственном маленьком острове казалась мне невероятной. Жизнь без соседних домов и посторонних людей. Но с течением времени я избавилась от столь романтических мыслей. Эта дорога не приведет меня обратно в дом, где меня любят и ждут. Эта дорога приведет меня в дом, из которого я была вычеркнута, едва мне исполнилось пятнадцать лет. И по сей день я не знаю почему. Это была всего лишь краткая иллюзия семьи. Как будто жизнь хотела еще раз продемонстрировать мне, как здорово иметь семью, чтобы в следующий момент тут же показать мне средний палец. Воспоминания до сих пор отзываются во мне болью.

С грохотом мы переезжаем через реку, и внезапно показавшееся яркое солнце заставляет меня проморгаться. Я засовываю в рот конфету с корицей – настолько пряную, что вся слизистая у меня во рту стягивается. Надеюсь, это не заставит меня зарыдать. Я не хочу плакать. Тем более перед Ашером.

Когда мы проезжаем по подъездной дорожке к дому, мои руки сжимаются в кулаки. Почему-то я ожидала, что все изменится. Что без мамы и меня вся усадьба будет выглядеть как-то иначе, но все по-прежнему точно так, как я запомнила. Низкий забор, окружающий подъездную дорожку с обеих сторон, выкрашен в белый цвет. Рядом с широкой гравийной тропинкой поставили фонари, а в цветочной клумбе перед входом расцвели яркие георгины. Белые колонны рядом с главным входом украшают розовую переднюю часть виллы, словно украшение из глазури. Мне уже тогда казалось это банальным, но, по крайней мере, на веранде все еще стоит деревенская плетеная мебель, которую выбирала мама. Вот только теперь она обветшала. В тени парадной двери висит венок из плюща с одной белой лентой, слегка трепещущей на ветру.

Автомобиль Ашера с визгом тормозит прямо перед входом. Я нажимаю кнопку, чтобы открыть дверь, но не знаю, как это должно работать на такой машине. Подождав некоторое время, пока я толкала дверь, Ашер раздраженно нагибается через мои колени и нажимает кнопку, которую я не видела. При этом он на несколько секунд оказывается так близко к моему лицу, что я могу разглядеть маленькую жилку, пульсирующую у него на виске.

Он снова откидывается назад, а я поворачиваюсь и, стоя на коленях на своем сиденье, подбираю с заднего сиденья свою сумку, чтобы снова не опозориться,

будучи не в состоянии отпереть дверь самостоятельно.

– Ты не пойдешь со мной? – спрашиваю я, потому что он не собирается выходить.

Он качает головой.

– Я должен… Еще кое-что сделать.

– Тогда спасибо, что подвез.

Я выхожу и закрываю дверцу машины, даже не взглянув на него. Когда машина снова заводится, поднимается облако пыли, и я собираюсь показать ему язык, но не делаю этого, потому что не хочу вести себя по-ребячески. В конце концов, Хиллари или мой отчим могли случайно увидеть это из окна. Даже если Ашер далеко не сахар, было бы проще, если бы мне не пришлось сталкиваться с остальными жильцами дома в одиночку. Так что я могу только наблюдать, как машина Ашера разворачивается во дворе, проезжает мимо входа в подземный гараж и снова выезжает на дорожку. С тошнотворным чувством я поворачиваюсь к зданию.

Вилле Блейкли почти двести лет, но я знаю, что Ричард купил ее лишь в тот момент, когда перенял компанию у отца. В пристройках размещены мастерская и большая конюшня.

Я слышу лай собак и думаю, что они находятся где-то за домом. Лучше я войду прежде, чем они поймут, что я стою за дверью. Четыре года назад у Ричарда было два крупных немецких боксера, и если они еще живы, то эти собаки, вероятно, набросятся на меня так же, как и раньше. И я не знаю, справлюсь ли с этим сегодня. Но я заставляю себя идти вперед, и еще до того, как ступаю на нижнюю ступеньку крыльца, входная дверь распахивается, и я резко останавливаюсь.

Я сразу узнаю темную копну волос экономки Ричарда. Хиллари. У нее в руке корзина, и она как раз кладет туда что-то, похожее на секатор.

– Айви, – удивленно произносит она. Женщина заглядывает мне за спину, как будто где-то позади меня ждет звездолет, из которого я, должно быть, вышла. –

Я даже не слышала такси.

Конечно, она ничего не слышала. Машина Ашера абсолютно бесшумная.

– Я вышла чуть раньше, чтобы прогуляться.

Я не вынесу, если сейчас мне придется отвечать на какие-либо вопросы об Ашере, поэтому решаю не упоминать о нем. Взгляд Хиллари удивленный и какой-то нерешительный, словно она обдумывает, какое приветствие уместно после столь долгого расставания. Я тоже не знаю, как себя вести. Неуверенно я делаю шаг к ней и пытаюсь улыбнуться. Наверное, это выглядит фальшиво. Хиллари качает головой и начинает смеяться. Она ставит свою корзину и бежит вниз по ступенькам ко мне. В следующую секунду я чувствую ее мягкие руки на своей спине и погружаюсь в ее черные кудри, словно мое лицо окунается в шелковую подушку. Хиллари ростом едва достает до кончика моего носа, но ее сердце в два раза больше, чем у кого-либо другого, кого я знаю.

– Наконец-то ты вернулась домой, Айви. Какой приятный сюрприз. Почему ты не позвонила заранее?

Ее слова выбивают почву у меня из-под ног, и никакая конфета с корицей не поможет мне унять дрожь в горле. Я цепляюсь за ее цветочную блузку и шепчу в ее кудри:

– Спасибо.

Затем я откашливаюсь, потому что ситуация меня смущает, и отстраняюсь от нее.

– Я не звонила, потому что думала, что ты знаешь, что Ричард пригласил меня сюда, – неловко отвечаю я. – Он прислал мне вчера сообщение. Это выглядело довольно срочно. Я не хочу ничего усложнять, потому что…

Мой голос смолкает. Потому что я не хочу оставаться надолго? Потому что я не выдержу здесь неделю?

– Разумеется, я знала, что ты приедешь, – говорит она, но делает это как-то слишком быстро. Я также замечаю ее озабоченное выражение лица, и поэтому мне становится абсолютно очевидно, что она понятия не имела о моем визите.

– Боже мой, ты так изменилась! Не могу поверить, что ты настолько повзрослела. Но это глупо с моей стороны, не так ли? Несколько лет – это уже целая вечность в твоем возрасте. Ты становишься все больше похожа на свою мать. – Она еще раз крепко обнимает меня. – Я хочу знать о тебе все. Про колледж, твоих друзей, просто все. Позволь мне сначала привести в порядок твою комнату, это займет всего несколько минут. У тебя с собой только эта спортивная сумка? Нет, оставь ее, Сэмюэль займется этим. – Она уперла руки в бедра, словно это позволяло ей кричать громче. – Сэмюэль! Ты можешь отнести багаж Айви?

Вскоре кто-то прыгает по широким каменным ступеням и приземляется на гравий. Я поворачиваю голову и заглядываю за плечо Хиллари, где какой-то тощий тип нагибается за моей сумкой. Он еще худее, чем я его запомнила, но раньше темные волосы постоянно спадали ему на лоб, а в глазах всегда отражалась какая-то меланхоличность. В двенадцать я была безумно влюблена в него, но Сэму было семнадцать, а его голова постоянно пряталась за книгой. Он ни капли мной не интересовался и постоянно выцарапывал стихи на каких-то клочках бумаги или делал наброски, которые выглядели такими мрачными и серыми, что мне становилось плохо при их виде. Сейчас это заставляет меня улыбаться, но тогда Сэмюэль казался мне восхитительным и в то же время немного зловещим. Он был похож на одного из тех парней из мистических историй, которые я любила читать.

Его приветствие прозвучало совершенно непринужденно:

– Привет, рад тебя видеть.

Кажется, будто мы попрощались всего несколько недель назад. Как будто мы пропустили День благодарения, но встретились на Рождество. Я испытываю какое-то глупое разочарование. Спустя четыре года мне кажется это отстойным. Я не могу решиться обнять его, и, поскольку Сэмюэль тоже не делает никаких движений, я просто пожимаю ему руку.

– Привет, Сэм. – тот факт, что мой голос дрожит, означает, что я смущена. Он просто стал мне чужим, и я осознаю, что сегодня смотрю на Сэма совсем другими глазами, нежели тогда. – Ной тоже там?

Сэм хмурится.

– Не думаю. Мам? – обращается он к Хиллари. – Ты знаешь, где Ной?

– Нет, я его сегодня еще не видела. Но меня все утро не было дома.

– В любом случае Ашер точно собирался приехать сегодня. – Сэм вытаскивает свой смартфон из кармана и пролистывает историю сообщений в WhatsApp. – Ага, он будет здесь, но только позже. Ашер пишет, что возникли какие-то непредвиденные обстоятельства.

Я сдерживаю порыв скрестить руки на груди. Кто знает, куда на самом деле подевался Ашер. Может быть, эта Каденс Сойер возникла как то самое непредвиденное обстоятельство, и он останется у нее на ночь.

Раньше я всегда задавалась вопросом, почему Сэм так хорошо ладит с Ашером. Они словно два противоположных полюса, и в то же время они проводили вместе каждую свободную минуту. Не помню, чтобы эти двое когда-нибудь ссорились, но, наверное, поссориться с таким славным парнем, как Сэм, просто невозможно.

Хиллари сжимает мое плечо.

– Пойдем в дом, я только что поставила чайник, а еще есть лимонное печенье. Ты всегда любила его. Раньше обыскивала каждый кухонный шкаф, пытаясь его найти. Мне нужно еще выбрать несколько цветов для спальни мистера Блейкли, но это я успею сделать и позже.

Я следую за ней и в дверном проеме оборачиваюсь к Сэму, который все еще стоит перед домом со странным выражением на лице.

– Давно тебя здесь не было.

Значит, теперь он все-таки заметил. Я улыбаюсь.

– Несколько лет, да.

Я жду, что парень скажет еще что-нибудь. Но вместо ответа Сэм задумчиво смотрит в землю, ковыряясь ногой в гравии.

Через некоторое время мы сидим в большой кухне, где на стене висят медные котлы, а на подоконнике растут травяные кустики, как в одном из тех журналов по дизайну интерьера. Здесь все по-старому – отмечаю я, глядя на сад, где два белых немецких боксера неторопливо бегают по короткой траве, а затем с фырканьем приземляются на пол террасы.

– Это все еще Феникс и Саймон? – спрашиваю я у Хиллари. – Сколько им сейчас лет?

Я помню, что моя мама в то время медленно привыкла к двум собакам – ей явно больше нравились кошки, – и они всегда внушали мне уважение, граничащее с ужасом.

– Им по двенадцать. – Хиллари ставит на стол чашки и тарелку с выпечкой. – Мои детки. Даже если это собаки твоего отца, я, по крайней мере, люблю их так же, как он. Боксеры – самые кроткие и чувствительные животные в мире, и эти двое невероятно нуждаются в любви. Не знаю, что бы я делала без них. Было бы довольно одиноко здесь, потому что мистер Блейкли так много путешествует. Но об этом мы обязательно поговорим позже. Твой отец все еще в Конкорде.

– Так его нет дома? – я не удержалась и попыталась прочитать по лицу Хиллари, что, собственно, вообще происходит. Ее выражение ничего не сообщило мне. Тем не менее веселая болтовня женщины кажется мне какой-то фальшивой. Если Ричард не сказал ей, что я приеду, то она также не в курсе, что он так срочно хотел со мной обсудить. Но может быть, он делал ей какие-то намеки?

– У Ричарда назначен прием в клинике, но он приедет не позднее сегодняшнего вечера. Так что тебе не придется долго ждать его.

– Какой прием? – удивившись, я перестаю помешивать ложкой содержимое своей чашки и устремляю свой взгляд к Хиллари. – Он болен?

– Я думаю, это обычное обследование, – тихо говорит Сэм.

– Я уверена, что это просто обследование, – добавляет его мать. Она указывает на окно. – Только взгляни на этих сумасшедших собак, – говорит она, качая головой.

Один из псов навалился на другого и с наслаждением покусывает его за шею. В следующее мгновение они перекатываются, и теперь другого уже цапнули за ухо. Я невольно улыбаюсь, но не могу отделаться от мыслей о Ричарде. Почему он в клинике в Конкорде, если это всего лишь безобидное обследование? Разве он не ездил для этого к своему семейному врачу в Портсмут? Или старого доктора Бюкеннона больше нет в живых?

Именно он разговаривал с нами в то время, когда моя мать лежала в реанимации. Бюкеннон также прибыл на остров, чтобы дать мне успокоительное, потому что я не могла перестать кричать после аварии. Я знаю, что Ричард ему полностью доверяет. Так что если он не лечится у Дока Бюкеннона в Портсмуте, то, вероятно, потому, что ему нужно было к специалисту. Это очень тревожная новость.

– Больше всего они привязаны к Ашеру, – объясняет Хиллари, все еще увлеченная собаками. – Ты бы видела, как они едят из его рук. Они делают все для него. Никогда бы не подумала, что Ашер будет так ласково обращаться с собаками. В подростковом возрасте он проявил себя не с лучшей стороны. Но все это давно забыто, не так ли?

Я невнятно поддакиваю.

– Прости меня, мне нужно отойти на минутку. Пейте спокойно чай, я проверю, все ли в порядке в твоей комнате. Если бы я знала, что ты приедешь так рано, я бы уже давно закончила. Сэмюэль может составить тебе компанию, пока меня нет.

Когда она покидает кухню, я беру лимонное печенье и задумчиво откусываю кусочек. Вкус мгновенно пробуждает во мне воспоминания, которым я, однако,

на самом деле совсем не хочу предаваться.

– Вы ведь понятия не имели, что я приеду, не так ли? – спрашиваю я Сэма.

– Верно. – его задумчивое выражение лица исчезает, и он лукаво улыбается. – Но лучше не показывай виду, что ты это знаешь. Иначе моя мама будет винить себя. Твой отец был в Скоттсдейле последние две недели и наверняка забыл сказать ей.

– В Аризоне?

– Да. И Ашер тоже ничего не сказал мне о том, что ты собиралась приехать.

– Потому что он, вероятно, тоже не знал об этом, – говорю я. – Что за дела были у Ричарда в Скоттсдейле? Тоже обследование у врача?

Сэм отодвигает от себя чашку с чаем и откидывается на стуле. Он скрещивает руки на груди, словно обдумывая, как много он может мне рассказать.

– Давай, – подталкиваю его я. – Неужели все так плохо, что ты не можешь говорить об этом? Ты же сам сказал, что это всего лишь обследование.

Он медленно кивает.

– Не обижайся на меня, но будет лучше, если твой отец сам расскажет тебе об этом. Он не посвящал меня в свои планы, и все, что я могу сказать по этому поводу, – это только мои собственные догадки. Лучше мне попридержать язык. В конце концов, я всего лишь сын домработницы.

– Это дурацкий предлог, – говорю я. – Ты больше, чем всего лишь сын домработницы, и ты это тоже знаешь. Кроме того, твоя мама не просто домработница. Она – душа этого дома.

В примирительном жесте Сэм поднимает обе руки.

– Ты все равно ничего от меня не услышишь. – Он делает глоток чая и смотрит через край чашки прямо мне в глаза. – Давай сменим тему. Так, значит, ты

начала учиться?

Сэм до сих пор не притрагивался к печенью перед нами, но теперь он ставит свою чашку, берет одно и начинает крошить его на мелкие кусочки об стол.

Я вздыхаю, потому что нет смысла продолжать его допрашивать, ведь он все равно ничего мне не расскажет.

– Да, в Бруклинском колледже в Нью-Йорке. Мне там нравится, это действительно великолепный университет. И кроме того, плата за обучение не очень высокая, – добавляю я и замечаю, как краснею.

К счастью, Сэм не реагирует на это замечание, и я рада, что он оставляет при себе одно из типичных высказываний в духе «Гарвард для бедных», которые я обычно слышу.

– Что же ты изучаешь? – он виновато улыбается. – Извини, мама, наверное, говорила мне, но я забыл.

– Графический дизайн и искусство как дополнительный предмет. Так что в основном диджитал арт.

Мне почти стыдно говорить об этом, потому что я знаю, что Сэм собирается поступать в институт искусств, как только станет бакалавром в области американской литературы. Надеюсь, он не подумает, что я выбрала свое направление из-за него.

– Неужели? Это здорово. Можешь пользоваться моими книгами, если хочешь. Они, конечно, не самые новые, потому что я купил их подержанными, но часто это не имеет значения. Как долго ты собираешься здесь оставаться? Все каникулы?

Ни дня больше, чем того требует ситуация, хотела я было сказать, но потом все же сумела взять себя в руки.

– Наверное, до субботы, – неопределенно отвечаю я.

Сэм, судя по всему, решил не обращать внимания на то, как я неуютно себя чувствую, и начал рассказывать мне о своих планах.

– Я скоро уеду в Европу, – рассказывает он мне. – У меня есть соглашение с Национальной высшей школой изящных искусств. – Увидев вопросительное выражение на моем лице, он продолжает рассказывать дальше: – Это художественный колледж в Париже. Два семестра буду там учиться, потом вернусь.

Его глаза загораются, и он начинает перечислять известных выпускников этой академии художеств, имена которых мне, впрочем, ни о чем не говорят.

Между тем возвращается Хиллари и говорит, что моя комната готова, а затем она снова исчезает. Я испытываю угрызения совести, потому что позволила ей это сделать, ведь у нее наверняка уже достаточно работы в этом огромном доме и без меня. Свою кровать я и в самом деле могла бы заправить сама. Но когда я говорю об этом Сэму, он отмахивается:

– Она счастлива, когда чувствует себя нужной, поэтому просто позволь ей это делать. Кроме того, ее работа – предугадывать желания Блейкли, не так ли?

– Блейкли – может быть, но мне твоя мама определенно ничего не должна.

Когда Сэм от души начинает смеяться над этим, я постепенно расслабляюсь. Он говорит нежным голосом, не задает неприятных вопросов и не обращается со мной как с прокаженной. На самом деле он ведет себя так, будто я никогда не покидала этот дом. И хотя буквально только что вся эта ситуация удивляла меня, теперь я скорее благодарна ему за это.

В какой-то момент, когда мой чай уже остыл, Ашер появляется в саду. У него в руках несколько теннисных мячей, Ашер швыряет их, а Феникс и Саймон гоняются за ними. Я стараюсь не смотреть на улицу, но ничего не могу поделать с тем, что происходящее во дворе приковывает мой взгляд словно магнит. Ашер откидывает волосы с лица и бросает быстрый взгляд на солнце. Он смеется, когда одна из собак теряет мяч во время бега и вращается вокруг себя, как волчок, чтобы найти его снова. Это тот же смех, который мне мельком довелось услышать в машине. Увлеченная наблюдением за Ашером, я больше не могу сосредоточиться на словах Сэма.

– Ты приехала вместе с Ашером, не так ли?

Я как загипнотизированная смотрю на фигуру, которая теперь бросает теннисные мячи в цинковое ведро, которое привалилось возле мастерской. Грабли и метлы расставлены рядом таким образом, словно это картинка из садового каталога. Медленно Ашер приближается к дому.

– Я видел его машину. А то, что он так быстро куда-то сбежал, должно иметь какие-то основания. Довольно очевидно, что причина – ты.

– А? – Только когда Ашер исчезает из моего поля зрения, я выхожу из оцепенения. Что там только что сказал Сэм? – Почему это очевидно?

– Ах, на самом деле это всего лишь догадка. Забудь, что я сказал.

– Ты строишь довольно много догадок.

Сэм смеется, а потом на его губах появляется ухмылка.

– Возможно, нам стоит просто притвориться, что мы говорили о ком-то другом. Ты же не хочешь и дальше напоминать кролика перед лисьей норой, когда Ашер войдет в комнату?

Несмотря на то что его голос дружелюбен, слова Сэма действуют на меня как холодный душ.

– Мне совершенно все равно, что Ашер думает обо мне или как я там на кого-то смотрю.

– Ясно. На твоем месте я бы тоже так сказал. – его ухмылка становится еще шире. – Неужели ты преодолела свой страх перед собаками?

Он помнит об этом?

– Ну да. – я слышу, как животные, громко фыркая, рысцой бегут по коридору, и невольно напрягаюсь. – Думаю, да. Было бы довольно глупо продолжать бояться,

не так ли?

Вот черт. Конечно, я не боюсь конкретно этих собак. То есть я прожила с ними несколько лет. Тем не менее мое сердце начинает биться чаще. И да, это совершенно глупо с моей стороны. В конце концов, это домашние животные, к тому же они уже старые и, вероятно, изрядно устали после охоты на мяч. Так что у них для меня осталось сил не более чем на усталое моргание.

– У боксеров хорошая память, они наверняка тебя еще помнят, – заметил Сэм. – Бьюсь об заклад, они с ума сойдут от радости.

О. Боже. Мой. Уже в следующее мгновение дверь распахивается, и я вскакиваю. Из меня вырывается визг, когда два боксера врываются на кухню, пыхтя и размахивая хвостами. Они тут же набрасываются на меня и начинают обнюхивать. Я сжимаю колени. Их головы достают мне до бедра, и с нервным смешком я замечаю, что они смачно слюнявят мои джинсы.

– Хороший песик, – говорю я, когда один из них проводит своим широким языком по моему колену. Я вжимаюсь в спинку своего стула и напрягаюсь всем телом. – Очень хороший песик.

Я пытаюсь оттолкнуть голову Феникса. Или это все-таки Саймон? Я не помню, как раньше различала их, и больше всего на свете мне хотелось бы попросить Сэма как-то увести собак от меня подальше. Но парень только завороженно смотрит, как один из псов встает и прижимает свои передние лапы к моей грудной клетке, так что у меня перехватывает дыхание.

– Феникс, лежать!

Достаточно одного спокойного приказа Ашера, и пес, который только что пытался запрыгнуть на меня, тут же опускает свое неуклюжее тело на землю. Саймон ложится рядом с ним, а потом оба с пыхтением смотрят на меня. Моя кожа горит в том месте, где Феникс поцарапал меня своей лапой. Конечно, он сделал это не специально. Тем не менее я злюсь на Ашера. Задыхаясь, я набираю воздух в легкие и жду, что Ашер что-нибудь скажет. Извинение, например.

– Привет, приятель, – вместо этого он приветствует Сэма, полностью игнорируя мое состояние. И меня целиком заодно. Он достает из шкафа стакан и наполняет его водой у раковины. Ни с того ни с сего мой сводный брат дает мне понять, что он наконец-таки меня заметил. Я сердито проскальзываю в свою толстовку и демонстративно застегиваю молнию до подбородка.

– Привет, – отзывается Сэм с усмешкой. – Удивительно, как плохо воспитаны эти собаки, когда избалованный старший сын семейства каждый день часами занимается с ними. Я имею в виду, когда он дома.

Ашер медленно оборачивается. Он снова надел и застегнул джинсовую рубашку, за что я ему бесконечно благодарна. Рукой со стаканом он указывает на Сэма и бросает на него надменный взгляд. – Мне кажется довольно удивительным, что сын нашей экономки постоянно слоняется по кухне, уничтожает наши припасы и ведет себя так, как будто весь дом принадлежит ему.

Ладно, неужели я думала, что Ашер и Сэм хорошо ладят друг с другом? Может быть, я постоянно приукрашивала отношения этих двоих в своем воображении?

Однако в глазах Сэма вспыхивает веселый огонек, когда он отвечает Ашеру:

– Если бы ты уволил старуху, которая занимается твоим хозяйством, то избавился бы и от ее никчемного сына.

– Хорошая идея, – отзывается Ашер. – Он все равно просто висит у нас на шее и не вносит ни копейки в общий бюджет.

Он опустошает стакан одним глотком. После того как Ашер ставит стакан и эти двое какое-то мгновение пялятся друг на друга, они одновременно начинают смеяться.

Сэм встает и хлопает его по плечу.

– Хорошо, что ты вернулся, приятель. Если хочешь, можешь зайти к нам сегодня вечером. Харпер тоже здесь. Мы хотим приготовить пиццу в нашей убогой хижине.

– Посмотрим.

Судя по всему, это привычная болтовня между ними, потому что они выглядят совершенно расслабленными. Я тянусь за рюкзаком, чтобы как можно незаметнее исчезнуть. Сейчас идеальный момент для этого, потому что собаки спокойно сидят и слюнявят пол.

– Я пойду в свою комнату, – вяло бормочу я в пустоту, настороженно наблюдая за собаками, чьи глаза, кажется, наблюдали за каждым моим движением. Ашер слегка поднимает руку, чтобы успокоить их, но ни разу не оборачивается на меня.

– Увидимся позже, Айви, – говорит Сэм, и я быстро проскальзываю за дверь.

Глава 4

Когда я распахиваю дверь в свою старую комнату, то ожидаю, что на меня нахлынут… не знаю. Воспоминания? Запахи? Что-нибудь, что докажет мне, что я спала здесь раньше. Но комната выглядит как гостиничный номер. Надо признать, как чрезвычайно роскошный гостиничный номер с очень большой кроватью с балдахином. Но окружающий интерьер совершенно безликий. Мне становится тяжело дышать. Но при этом меня не должно удивлять, что Ричард велел убрать мою комнату. Вряд ли он стал бы требовать от Хиллари, чтобы та годами хранила мои вещи, если мне вообще не было суждено вернуться домой. Все равно это чертовски больно – видеть теперь эти голые стены.

Свою сумку я бросаю на кровать и, лишь осторожно вывалив содержимое рюкзака, снова вспоминаю, что мой кошелек исчез. Я достаю свой телефон, ищу нужный номер в Гугле и больше часа занимаюсь переговорами с управлением социального страхования, чтобы подать заявку на получение новой карты. Мой звонок постоянно переадресовывают. До департамента транспортных средств я вообще в это время не могу дозвониться, и завтра утром мне придется попытаться подать заявку на замену водительских прав.

Совершенно расстроенная, я наконец падаю обратно на кровать. Она мягкая, пахнет свежестью и, конечно же, не мной. Ничего здесь больше не напоминает обо мне. То, что здесь ничего не изменилось, вовсе не говорит о том, что эта комната выглядит «моей».

Раньше на стене висели мои и мамины фотографии, на которых мы обе широко улыбались. Фотографии, на которых мы все еще были командой из двух человек, а не игроками на скамейке запасных в команде Блейкли. Еще на моей стене висел плакат Шона Мендеса, а на двери был постер фильма «До встречи с тобой», потому что Эмилия Кларк казалась мне просто ошеломляющей в этом алом вечернем платье.

Письменный стол все еще на своем месте, но в это время на столешнице красовались блестящие наклейки, а над самим столом висела гирлянда пастельных оттенков. И у меня был ежедневник, который я использовала как личный дневник и в то время не могла таскать с собой постоянно. Дневник, который, как я уверена, Ашер читал в тот день, когда меня отправили в интернат, – это как раз причина того, почему я больше не делаю личных записей. Здесь нет ничего, что могло бы рассказать о личности владельца комнаты. Судя по всему, Ричард действительно избавился от любых воспоминаний обо мне, и я задаюсь вопросом, может ли быть дело в том, что после маминой смерти он просто не мог больше меня выносить.

Я хватаюсь за живот, который болезненно сжимается в тугой узел при этой мысли. Единственное, что осталось от меня в этой комнате, – это фонарики, протянувшиеся от одного столба кровати до другого и которые я замечаю только сейчас. Хиллари только что повесила их, потому что на маленьких лампочках не видно ни единой пылинки. Я скатываюсь с кровати. Не зная, что хочу обнаружить на самом деле, встаю и открываю шкаф.

Тогда мое сердце делает небольшой прыжок. Мои книги! И в самом деле, это мои старые книги, которые кто-то беспорядочно запихнул в шкаф. Взволнованная, я усаживаюсь перед открытой дверцей, скрестив ноги, и с широкой ухмылкой вытаскиваю первую стопку себе на колени. «Спайдервик. Хроники» я регулярно поглощала в подростковом возрасте, а страницы со старыми рисунками совсем износились. В моем животе растекается тепло при взгляде на них. Теперь я даже чувствую себя здесь немного желанной. Найти старые книги, которые ты когда-то любила, – это почти как вернуться домой.

Они столько помогли мне пережить, что найти их – это все равно что повстречать старых друзей, и теперь, когда Обри так далеко, я чувствую, что только книги могут меня понять. Я удивляюсь, почему тогда не взяла с собой все это, но потом вспоминаю, как быстро Ричард увез меня. Тогда я даже не получила возможности упаковать свои вещи самостоятельно. Как будто мы собирались бежать от чего-то.

Я задумчиво перебираю всю стопку, поглаживаю обложки – совсем размякшие и потертые от большого количества прикосновений. Я улыбаюсь при виде злобного огра. На ум приходит фраза, которую я когда-то где-то прочитала и которая до сих пор отсутствует в моем ежедневнике. Прежде чем я снова забуду ее, я раскрываю Хедвига и рисую на следующей пустой странице новую фразу.

Красивыми большими буквами я выделяю только слово «книг», а затем делаю на камеру телефона фотографию Мульгарата – самого отвратительного монстра из «Хроник Спайдервика – и отправляю ее Обри через WhatsApp. В ту же минуту она мне пишет:

Обри:Выглядит знакомо. Это Ашер?

Айви:В его лучшие годы.

Я с облегчением подумала о том, что в ресторане она, видимо, все-таки может мне писать и даже во время ужина с новым бойфрендом ее мамы Обри все-таки не утратила шутливого настроения. Она посылает мне смеющийся смайл и пишет:

Обри:Возьми водяной пистолет, наполни его томатным соусом и стреляй в него!

Я вздыхаю. Если бы Ашера было так же легко победить, как гоблина из книги Холли Блэк!

Айви:Как там ужин с твоей мамой? Все в порядке?

Она посылает мне фотографию рыбы на тарелке без каких-либо дальнейших комментариев. Мертвые прищуренные глаза смотрят на меня мутным взглядом.

Айви:Ты можешь сейчас разговаривать?

Ожидая ответа от Обри, я продолжаю доставать из шкафа последние книги. Я оттаскиваю их к окну и начинаю расставлять на подоконнике, сортируя по цветам. Это всего лишь несколько книг, тем не менее я думаю, что теперь в этой комнате царит более дружелюбная атмосфера. Я достаю из спортивной сумки свой ноутбук и планшет для рисования и кладу на стол Хедвига, ручки и остальные вещи. Рюкзак я оставляю под столешницей. Однако раскладывать мою немногочисленную одежду кажется мне непосильной задачей, поэтому я заталкиваю спортивную сумку в шкаф как есть и сажусь на край кровати, чтобы осмотреть результат своей работы. Так-то лучше. Не хватает ярких цветов. А еще несколько комнатных растений и фотографий на стене, и стало бы почти уютно.

Я снова достаю рюкзак, копаюсь там в поисках открытки из Мексики от нас с Обри и за отсутствием скотча и канцелярской кнопки просто закрепляю ее на оконной раме. Так уже намного лучше.

Обри все еще не ответила. Я раздумываю, стоит ли сходить на кухню и принести чего-нибудь выпить, когда наконец звонит мой телефон. С облегчением я хватаюсь за смартфон, но это незнакомый номер.

– Алло?

– Это Сэм.

– Оу. – меньше всего я ожидала услышать его. – Привет, Сэм.

– Мама дала мне твой номер. И моя девушка Харпер спрашивает, не хочешь ли ты поесть пиццу вместе с нами. Ты приглашена, если можешь замесить тесто. Ауч!

На заднем плане я слышу, как кто-то ругается, а затем тихий смех Сэма, который становится громче, когда он снова подносит телефон ближе к уху.

– Но разумеется, ты также приглашена, если у тебя нет желания месить тесто. Но вместо этого ты могла бы принести несколько бутылок пива из своей суперроскошной кухни Блейкли.

Снова ругань на заднем плане, а затем слышится небольшая потасовка. В следующее мгновение раздается женский голос:

– Привет, Айви. Это Харпер. Сэм – идиот. Он может и сам достать пиво. Итак, что думаешь о том, чтобы принести с собой просто… себя? Хиллари уже так много рассказала мне о тебе, и я буду очень рада, если ты придешь. Мы купили четыре разных сорта сыра, а я сделаю свой легендарный десерт, который называется «грунт».

На спонтанное приглашение я не рассчитывала.

– Ничего себе, спасибо, это действительно очень мило.

Сначала я не знаю, что сказать. Мне не хочется навязываться этим двоим, и меня тревожит, что они, возможно, пригласили меня к себе только из жалости, чтобы мне не пришлось провести свой первый вечер здесь в одиночестве. Но поскольку Сэм был так добр ко мне раньше, мой отказ будет выглядеть как-то некрасиво.

– На самом деле я хотела дождаться своего… В общем, Ричарда. Он не сказал мне, когда вернется домой, и в конце концов вызвал меня специально для разговора. Ситуация выставит меня просто идиоткой, если я вот так уйду.

– Но тебе не нужно никуда уходить. Мы здесь, в гостевом доме. Там ты точно заметишь, если он вернется сегодня. Когда машина подъезжает к вилле, она

неизбежно проезжает мимо нас. Вот тебе и преимущество жизни в гостевом доме – ты ничего не упускаешь. То есть буквально ничего!..

Если я останусь здесь, то, вероятно, весь вечер буду ждать, когда Обри позвонит или хотя бы напишет. Я буду сидеть на корточках в этой комнате одна и размышлять о своей странной семейке. Это не очень радужная перспектива. Чего не скажешь о четырех разных сортах сыра…

– Хорошо, тогда я с удовольствием приду. Но только если я вам не помешаю. Может быть, вам больше хочется побыть наедине. Я действительно не против просто разогреть что-то в микроволновке. Мать Сэма столько приготовила, что мы сможем пережить ядерную войну. Весь холодильник заполнен маринованными овощами и вегетарианской запеканкой. И у меня есть подписка на Netflix, – быстро добавляю я.

– Ты совсем не помешаешь. Ты даже окажешь мне услугу, если не оставишь меня наедине с этой обезьяной на весь вечер. Хотелось бы мне, чтобы ты увидела, что он здесь делает… Сэм и в самом деле сделал колобок из теста для пиццы и наклеил на него маслины в качестве глаз. Не оставляй меня наедине с этим чокнутым.

– Эй, это не колобок, – слышу я возмущенный возглас Сэма. – Это репродукция картины Эдварда Мунка «Крик», а конкретно – версии 1893 года.

– Довольно кровавая версия, она вся в этом томатном соусе, – отвечает ему Харпер.

Я чувствую, как уголки моих губ ползут вверх.

– Ашер не пришел, если это играет для тебя какую-то роль, – говорит Харпер, и мне просто чертовски интересно, какие там еще догадки понастроил себе Сэм и почему он обязательно должен был рассказать об этом своей девушке.

– Это не имеет значения, но спасибо.

Я бросаю быстрый взгляд на часы и ногой пытаюсь снова достать свою обувь из-под кровати, куда я ее только что пнула. – Я с удовольствием приду. Ах да,

передай Сэму, что пиво тоже принесу. То есть если я вообще найду его в этой суперроскошной кухне Блейкли.

– Прекрасно. В таком случае ты можешь рассчитывать на его благодарность на всю оставшуюся жизнь.

Она смеется чуть хрипловато, и у меня перед глазами спонтанно возникает образ высокой рыжеволосой девушки, потягивающей виски из бокала.

– Что? – слышу я возглас Сэма. – За что я должен быть ей благодарен?

Но прежде чем я успеваю услышать ответ Харпер, она уже кладет трубку.

Сначала я глубоко вздыхаю. Затем бросаю телефон на кровать и проскальзываю в свои старые ботильоны. Честно говоря, я очень рада, что познакомилась с Харпер. Она показалась мне невероятно милой. Переодеваться я не собираюсь, и, к сожалению, в моей комнате не висит зеркало, поэтому я вслепую собираю волосы в небрежный пучок.

Мой телефон вибрирует – неизвестный номер прислал мне фотографию пиццы-колобка. Его глаза и в самом деле сделаны из оливок, и он выглядит довольно жутко. Произведение искусства Сэма, по-видимому, так же хорошо подходит для того, чтобы заставить меня улыбнуться, как истории Джона Майера в Инстаграме. Все еще ухмыляясь фотографии, я выхожу из комнаты и спускаюсь по лестнице вниз – на кухню. Я видела, где Хиллари поставила свою корзину сегодня днем, и наполнила ее бутылками пива, которые я обнаруживаю в большом холодильнике. При этом я чувствую себя воришкой. Мне остается только надеяться, что Феникс и Саймон уже спят или что Ашер забрал их с собой, где бы он ни был. Я не хочу больше никаких сюрпризов и уж тем более не хочу, чтобы меня застукали с украденным пивом в руке. В кладовке я нахожу еще несколько бутылок красного вина и также беру с собой одну из них. Никогда не знаешь, когда тебе может что-то пригодиться…

Несмотря на то что Харпер была так добра по телефону, я все же нервничаю. Сэм, кажется, настоящий болтун. Если он называет Ашера избалованным сыном семейства, то как тогда он описал меня? Как надоедливый придаток, который нужно кормить?

Солнце еще не зашло, но в доме уже повсюду горит свет. Хоть ключ и торчит в замке снаружи – такое бывает, когда живешь на частном острове, – но я не могу просто так войти в дом. Я собираюсь с силами и нажимаю на дверной звонок. Вскоре из кухни доносится шипение и громкое ругательство. Дверь распахивается, и невысокая, миниатюрная девушка приглашает меня жестом прямо в дом. Ростом она достает мне до кончика носа. Хотя я представляла ее себе совсем по-другому, Харпер кажется мне совершенно очаровательной. Ее прическа – пикси цвета блонд, а на лице девушки сейчас красные пятна. Ее подбородок немного в муке, а ярко-голубые глаза переливаются, словно лед в лучах солнца.

– Привет, Айви. Как здорово, что ты смогла прийти вот так спонтанно.

Она толкает меня локтем, потому что к ее рукам прилипло тесто.

– Спасибо за приглашение. – я поднимаю корзину. – Я нашла еще бутылку красного вина. Подумала, оно подойдет для пиццы, но, к сожалению, я не знаю, насколько оно хорошее. В этом я вообще не разбираюсь, честно говоря.

– Сэм разбирается. Он считает, что вино хорошее, когда оно вкусное. В этом он не так уж не прав, не так ли? – она, улыбаясь, поднимает брови, и на щеке у девушки появляется ямочка. – Просто поставь корзину на кухню. Ты как раз подоспела вовремя. Мы должны помешать Сэму воссоздать целую серию картин, иначе сегодня нам будет нечего есть. Стоит ему только начать, как перфекционизм больше не отпускает его. Честно говоря, нет ничего хуже, чем совершенно ленивый парень, который при этом еще и перфекционист. – Она стонет и выходит на кухню.

– Я все слышал! – лицо Сэма покраснело от напряжения. – И я не ленивый.

Он орудует скалкой по столешнице и издает гудящие звуки, потому что половина теста прилипла к ней, и теперь перед ним снова лежит непонятный комок теста. Зрелище более чем непривычное для меня, потому что я всегда помнила его склонившимся только над книгами. Видимо, Харпер хорошо на него влияет.

– Но ты непродуктивен.

– Как ты можешь такое говорить?

Подбородком он кивает на духовку, в которой находятся непонятные образования из кусочков овощей, грибов и тунца, посыпанные сыром.

Харпер кривит лицо.

– Хорошо, я перефразирую. Твою продуктивность нужно срочно направить в разумное русло. Никто не станет есть это.

– На самом деле это выглядит очень вкусно, – говорю я. – За исключением тунца, может быть.

– Благодарю. – Сэм усмехается и откладывает скалку. – Ты можешь нарезать сыр. Но вот здесь, пожалуйста, оставь верхнюю часть свободной, потому что у «Крика» должно быть кроваво-красное небо.

Он намекает на пиццу-колобка.

Харпер закатывает глаза.

– Это, кстати, «отчаяние».

Сэм щедро раскладывает черные оливки на куске пиццы.

– Я же говорю, что никто не станет есть это. Мало того, что «отчаяние» звучит не совсем аппетитно, так еще и оливки просто отвратительны.

– Неужели ты тоже не любишь оливки?

Сэм смотрит на меня с таким же отчаянием, как его девушка на произведения искусства своего молодого человека, и мне почти жаль разочаровывать его.

– Да нет. Но не обязательно так много сразу.

Я поднимаю плечи, словно извиняясь.

– Ладно.

Явно неохотно Сэм снова собирает большую часть оливок, а затем очень недовольно смотрит на испорченную картину-пиццу.

Харпер ловит мой взгляд и беззвучно шевелит губами. Спасибо.

– Теперь это действительно выглядит супервкусно, – подтверждаю я. – Хочешь, я порежу моцареллу на ломтики?

Мой взгляд блуждает по барной стойке и задерживается на деревянной доске.

– Хорошая идея. Думаю, что у Хиллари есть острые ножи там, в верхнем ящике. – Она протягивает мне несколько пакетиков с шариками моцареллы, а также пакет с чем-то, похожим на синюю плесень. – Это французский сыр, а на потом у нас есть еще один из Швейцарии. Грюйер или что-то в этом роде. Сэм купил готовый тертый сыр, – говорит она с явным неодобрением в голосе. – Но чего еще ожидать от художника.

Сэм подходит к Харпер и нежно тычет ей в нос указательным пальцем, оставляя маленький отпечаток томатного соуса лишь для того, чтобы в следующий момент поцеловать пятно.

– Что он умеет творчески обращаться с едой, может быть?

Я откашливаюсь и, улыбаясь, опускаю взгляд на свою разделочную доску. Эти двое слишком милые, и от этого становится очень приятно на душе после столь холодной и чужой атмосферы на вилле. Кроме того, этот дом обставлен совершенно по-другому и излучает домашнюю теплоту. Я не помню, чтобы когда-либо бывала в гостевом доме раньше, но всегда думала, что он будет выдержан в том же стиле, что и основное здание. Но вместо роскошной мебели, как в доме у Ричарда, здесь царит дикая неразбериха разных цветов дерева. Обеденный стол сделан из темного дуба, а стулья по большей части светлые и антикварные, два из них даже не подходят друг другу. Если у Ричарда окна обрамляют преимущественно тяжелые парчовые шторы, то здесь они украшены почти невесомыми льняными занавесками пастельных тонов. Я замечаю спонтанную привязанность к обшивке стен панелями в столовой, которые кто-то

с большой любовью покрасил в нежно-синий, отдающий скорее голубым оттенком. На стенах висят какие-то ботанические рисунки в простых деревянных рамах, возможно даже, их нарисовал Сэм. И повсюду лежат книги. На подоконниках между цветочными горшками с суккулентами, на полке и на столе. Даже если вам захочется присесть на маленький диван в гостиной, то вам придется предварительно очистить его от книг. Мне нравится это.

Харпер придвигает ко мне поднос:

– Добавить ветчину или салями на твою пиццу?

– Мне, пожалуйста, без мяса, – быстро говорю я.

Я чувствую, как урчит мой желудок, когда чуть позже сыр на первой пицце начинает таять в духовке, распространяя пряный аромат.

– О боже, это уже чертовски вкусно пахнет. Есть ли на свете что-нибудь лучше, чем пицца? – задаю я вопрос в пространство.

– Нет, – говорим мы все трое одновременно.

Мы болтаем об университете и музыке, которую нам нравится слушать. Харпер – поклонница Джорджа Эзры, поэтому она проигрывает одну его песню за другой. Я чувствую себя вполне комфортно в ее обществе и начинаю расслабляться, рассказывая ей о своей работе в бистро и моей комнате в кампусе.

– Синяя обшивка стен потрясающая, – говорю я. – Я бы многое отдала за то, чтобы моя комната выглядела хотя бы наполовину такой же красивой, как ваша столовая.

– Деревянную стену покрасил Ашер.

Сэм борется с бутылкой вина, но в конце концов сдается и позволяет Харпер вытащить пробку.

– Мама боялась, что он этим испортит всю комнату, но она уже привыкла.

– Вообще, я тоже считаю это восхитительным. – Харпер подает каждому по полстакана вина. – Хоть Ашер понятия не имеет об искусстве, он очень любит работать руками. По крайней мере, когда не занят в компании. Так что если тебе нужно что-то отремонтировать, это подходящий человек.

Я только молча киваю, потом мы чокаемся.

– За Айви и за то, чтобы она какое-то время побыла еще здесь и не бросила меня наедине со всеми этими мужчинами на острове.

Когда Харпер с сияющим лицом произносит этот тост, жар ударяет меня по щекам. Я быстро подношу бокал к губам, но в этот момент в коридоре хлопает дверь. Я вздрагиваю, вино переливается через край и щедро растекается по моей футболке. Вот дерьмо. Шаги направляются в сторону кухни.

– О, привет, Ашер! Мы думали, ты уже не придешь. – Харпер тепло обнимает его. – К сожалению, все уже в духовке, так что тебе достанется то, что останется. Но Айви тоже ест вегетарианскую пищу, может быть, она поделится своей пиццей с тобой. В противном случае тебе придется соскоблить салями с произведений искусства Сэма.

– Обыватели, – недовольно стонет Сэм.

Взгляд Ашера я не могу истолковать, но его глаза такие темные, что мне невольно хочется потереть свои ладони из-за мурашек на руках.

– Я пойду в ванную, скоро вернусь.

Только теперь Харпер видит огромное красное пятно на моей груди.

– О, черт возьми… Хочешь, я одолжу тебе свою футболку?

– Спасибо, все в порядке, я просто надену свою кофту.

Я делаю два шага в сторону коридора, а затем беспомощно останавливаюсь.

– Первая дверь направо, – окликает меня Сэм. Он открывает пиво и протягивает его Ашеру. Тот держит его, не отпивая, а наблюдая за мной с поднятыми бровями. Это глупо, но я прямо-таки выбегаю из комнаты. По-видимому, такова моя судьба – прятаться от Ашера по разным туалетам, и сейчас он для меня словно кость в горле. До сих пор вечер был таким прекрасным. И почему он все-таки передумал и пришел? Только все испортил.

В ванной я выскальзываю из мокрой футболки и смотрю в зеркало над раковиной. Мои щеки покраснели от вина и тепла духовки. Одной рукой я отодвигаю челку в сторону, а другой брызгаю себе в лицо немного воды. Наверное, это будет выглядеть глупо, если я сейчас, стоило Ашеру едва пересечь порог дома, заявлю, что устала как собака, и просто уйду. Поэтому нужно одержать контроль над своими эмоциями и сделать вид, что Ашер просто старый знакомый, а не придурок, который ударил меня по голове, когда мне было двенадцать лет. Он совсем не воспринимал меня всерьез, когда я была маленькой.

Чем больше я об этом думаю, тем больше напрягаюсь. Но потом качаю головой и пытаюсь успокоиться. Все это было целую вечность назад, и я не должна быть такой обидчивой. Ашеру тогда было восемнадцать, и он был полным придурком. Ладно, сейчас Ашер тоже тот еще осел, но с тех пор оба повзрослели. Я могу справиться с этим и выстоять. Я справлюсь. Независимо от того, что говорит или делает Ашер, сегодня это не может ранить меня так же легко, как четыре года назад. С вновь обретенным мужеством я проскальзываю в свою кофту и застегиваю молнию до подбородка. Как только я вхожу в коридор, то тут же прислушиваюсь. Я вдруг ожидаю, что они будут говорить обо мне и стоит мне войти, как воцарится молчание, но это, слава богу, не так.

Когда я прихожу на кухню, первая пицца уже готова и Сэм максимально неловко пытается разрезать ее специальным ножиком для пиццы. Ашер достает из шкафа несколько салфеток, а Харпер громко перечисляет названия фильмов из гостиной, держа в руке пульт.

– У вас есть выбор между «Мстители: Финал» и «Форсаж: Хоббс и Шоу».

Сэм и Ашер, как по команде, выкрикивают «Мстителей». По их лицам видно, что они не ожидали этого.

– Ребята, это была шутка! – Харпер хихикает, потом сдвигает книги со стола, чтобы освободить место для подноса с пиццей. – Вы же не думаете на самом деле, что мы дадим вам выбор? В обоих фильмах постоянно что-то разрушают и ведут бестолковые разговоры, как дураки. Либо мы смотрим «Люди в черном-2», либо пятый сезон «Девственница Джейн». Я только сегодня обнаружила, что этот сериал есть на Netflix, и мне очень обидно, что я до сих пор не смотрела новый сезон.

– Ну, ты же не серьезно, – говорит Сэм, отключая духовку. Он хватает пиццу-колобок и дует на дымящийся настил. Потом откусывает кусочек, а затем пытается поймать языком растянувшийся сыр. Тогда определенно «Люди в черном», – чавкает он.

– Да, – отзывается Ашер, бросая стопку салфеток на стол. – Хотя для меня эта часть действительно слишком женская.

Харпер игнорирует его комментарий.

– Давайте голосовать! Кто за «Девственницу Джейн»? – ее правая рука победно взлетает вверх.

Я опускаюсь рядом с ней на диван и тоже поднимаю руку, хотя, если честно, я тоже голосовала бы за «Мстителей».

– Я еще не смотрела пятый сезон.

– Ну, – удовлетворенно говорит Ашер. – Значит, ничья. Тогда, наверное, нам все-таки придется подыскать альтернативную программу.

– Сэм! – возмущенно восклицает Харпер и дает своему парню подзатыльник. Сэм, который сел на пол перед диваном и не заметил приближающуюся атаку, едва не подавился растянувшимся сыром. Он запрокидывает голову назад и неуверенно оглядывается между нашими поднятыми руками и угрожающей миной Ашера. Его кадык подпрыгивает вверх и вниз, когда он глотает.

– Прости, парень.

Затем он тоже поднимает руку.

– Ах ты мерзкий предатель. – Ашер бросается на диван рядом с Харпер с таким размахом, что я чувствую, как спинка откидывается назад. – Но ладно, я уже принес куда большую жертву ради куска пиццы, чем просмотр мыльной оперы один вечер.

– Это не мыльная опера. – Харпер возмущенно фыркает. – Во всяком случае, это ироничное высмеивание мыльных опер.

Она нажимает на пульт дистанционного управления и пролистывает эпизоды вперед, пока не натыкается на последний сезон.

– Майкл или Рафаэль? – спрашивает она меня, и от Сэма исходит стон.

– Сейчас опять начнется! Разве этот парень не мертв? Как же тогда еще можно продолжать пускать по нему слюни? Я даже не помню, как он выглядел.

– Конечно Майкл, – отвечаю я. – До сих пор не могу поверить, что они убили его в третьем сезоне, а затем Майкл внезапно появляется снова в четвертом.

Харпер удовлетворенно кивает:

– Та же история. Я тоже была в полном шоке. Сэм подобного не понимает, но я сохраню верность Майклу до конца независимо от того, возродился он или что там еще с ним произошло. О боже, он наверняка был в программе защиты свидетелей и должен был скрываться в течение многих лет.

Она включает первый эпизод, и в течение первых минут мы слышим голос рассказчика под чавканье Сэма и закатывание глаз Ашера. Я никогда не могла себе представить, что можно услышать закатывание глаз, но Ашер и в самом деле делает это. В какой-то момент он встает и достает из духовки второй противень с пиццей.

– Это ты ее делала? – спрашивает он у меня за спиной Харпер, протягивая мне тарелку. – Я люблю пиццу с чили.

Я удивляюсь, что он вообще обращается ко мне, и то, что Ашер плюс ко всему говорит еще что-то приятное, почти лишает меня дара речи. Скорее всего он просто проголодался.

– Я принимала участие.

Это настолько глупо – вот так радоваться его словам. Боже мой, он просто похвалил мою начинку для пиццы, это не признание в любви. Но, несмотря на это, в этот момент по моему животу распространяется приятное тепло, и это не только из-за горячей пиццы.

– Я за Рохелио, – вдруг говорит Сэм, указывая на совершенно взвинченного свекра героини сериала, который только что появился на экране. Он и Ашер, смеясь, в честь этого чокаются пивными бутылками.

На самом деле, кажется, это будет уютный вечер, чего я не ожидала после появления Ашера. Большую часть времени ему удается не отпускать обидных замечаний, за исключением одного раза, когда он комментирует событие в сериале фразой «сестра и в самом деле – настоящая язва». Я стараюсь не обращать на это внимания и вместо этого полностью сосредотачиваюсь на десерте Харпер, что не слишком сложно, так как он невероятно вкусный. Десерт состоит из своего рода сливочного сыра с толстым слоем покрошенного туда шоколадного печенья. Из-за этого лакомство напоминает кучу земли.

– Ты обязательно должна поделиться со мной рецептом десерта. Моей подруге Обри он должен понравиться, – говорю я Харпер, когда мы загружаем грязную посуду в посудомоечную машину и на мгновение оказываемся наедине.

– С радостью. Это действительно очень просто. Настолько просто, что я не выдам его ребятам, потому что в противном случае я потеряю их уважение. Так что эти двое у меня в руках, если ты понимаешь, что я имею в виду. – она двигает бровями, потом тихо вздыхает. – По крайней мере, до тех пор, пока Сэм не уедет в Европу.

– Сэм рассказал мне об этом. Очень мило с твоей стороны, что ты делишься с нами временем, которое у тебя осталось с ним наедине. А когда он уезжает?

– Через восемь недель. Правда, новый семестр начинается только в сентябре, но Сэм хочет оказаться в Париже раньше, чтобы найти квартиру и, вероятно, посетить миллион музеев. То, что ты к нам пришла, – это долгожданное отвлечение. У меня в кои-то веки получилось не думать все время об этом.

– Спасибо, что пригласили меня.

Я уже говорила это сегодня, но на этот раз говорю искренне, потому что она мне жутко понравилась, и мне в этом доме все кажется намного легче и нормальнее. У меня даже почти такое чувство, что я вовсе не на острове, а нахожусь с друзьями в кампусе.

– Могу я тебя кое о чем спросить?

Харпер выбрасывает несколько оливок с тарелки в мусорное ведро, которые кто-то – я думаю, что это был сам Сэм, – оторвал от своей пиццы.

– Конечно.

– Как получилось, что теперь ты передумала и все-таки приехала на остров?

Я встряхиваю кухонное полотенце, которым только что вытерла руки, и вешаю его на настенный крюк.

– Не знаю, что конкретно ты имеешь в виду, – честно говорю я. – Секретарь моего отчима написала мне, чтобы я прилетела, и прислала мне билет. Это выглядело срочно, поэтому я сразу села в самолет. Ну, а теперь его даже нет дома. Так что, возможно, это было не так важно.

Я пожимаю плечами, но ситуация меня расстраивает.

– Я немного не об этом. Надеюсь, ты не сердишься на меня из-за того, что я говорю об этом. Тебе также не нужно отвечать, если ты не хочешь это обсуждать. Честно, это совершенно нормально. Я просто подумала, что ты больше не хочешь иметь ничего общего со своей семьей. Ашер сказал мне, что ты всегда отказывалась возвращаться домой на каникулы, когда еще училась в школе.

Нервничая, я смахиваю растрепавшуюся челку с лица и глубоко вдыхаю. Значит, Ашер все-таки рассказывал обо мне, одновременно пытаясь выставить меня в дурном свете. Чего и следовало ожидать.

– Это версия Ашера. Вообще-то мне совсем не хотелось покидать этот дом. Когда моя мама умерла, Блейкли стали всем, что у меня осталось. Просто я ужасно ладила с Ашером. Но ссориться со своими братьями и сестрами все же лучше, чем вообще не иметь никого, с кем можно было бы спорить, не так ли? – я вздыхаю. – Мне кажется, что для Ричарда это оказалось уже слишком – плюс ко всему заботиться еще и о подростке, поэтому он отправил меня в интернат прямо посреди учебного года. Я бы очень хотела вернуться домой, хотя бы на каникулы. – При воспоминаниях об этом у меня пересыхает горло и я чувствую себя глупо, потому что мои глаза начинают гореть. – В первое лето мать моей новой подруги Обри очень хотела взять меня с собой в отпуск. Я действительно думала, что это была ее идея, потому что мы с Обри так хорошо ладили, но теперь я все больше думаю о том, что это Ричард подтолкнул ее к этому решению. Затем на День благодарения он приехал в Нью-Йорк, чтобы пообедать со мной. Один, без Ашера и Ноя. Это было большим шоком для меня. На Рождество у Ричарда вдруг не оказалось времени, потому что в компании предстояла реорганизация, а парни все равно хотели поехать на лыжный курорт вместе со своими друзьями. После этого всегда находилась другая причина, почему я не могла приехать. Хотя Ричард часто навещал меня в интернате и пытался поддерживать связь… Я не могу винить его ни в чем. Но то, как он отправил меня в интернат и не позволил вернуться домой, почему-то всегда встревало между нами. Во время его последнего визита мы ужасно поссорились. После этого были только случайные звонки. Последний был где-то… – Семь месяцев назад? Восемь? Я моргаю и отворачиваюсь в сторону, чтобы Харпер не заметила, как я борюсь со слезами. – Прости. Я даже не знаю, почему рассказываю тебе все это. Для меня это совсем не любимая тема.

Лицо Харпер словно окаменело.

– Это ужасно. – ее рука опускается на мое плечо. – Как он мог отправить тебя в интернат сразу после того, как умерла твоя мать? Что за бесчувственный придурок этот Ричард? – негодует она.

– Нет, – отмахиваюсь я. – Он не такой. Ричард может быть строгим и иногда немного жестким, но… на самом деле он другой. Для моей мамы этот мужчина был совсем другим. Наверное, он подумал, что для меня будет лучше, если я

уеду отсюда, где все напоминает мне о ней.

Я и сама не знаю, почему его защищаю, ведь именно в этом я обвиняла его достаточно часто. Но я знаю, что мой отчим не плохой человек.

– Ты не должна его прощать. – глаза Харпер стреляют молниями. – Должно быть, пережить такое было совсем паршиво. Так глупо может реагировать только мужчина. Господи, мне сейчас очень хочется обнять тебя, – говорит она спонтанно. Харпер одаривает меня такой теплой улыбкой, что я просто обязана ответить ей взаимностью.

– Пожалуйста, не стоит. Если ты это сделаешь, я начну рыдать. – На всякий случай я понижаю голос: – И мне бы чертовски не хотелось, чтобы Ашер узнал об этом.

Поспешно я выдвигаю ящик перед собой и начинаю рыться в столовых приборах, хотя на самом деле ничего не ищу.

– А, этот!.. – Харпер смеется, а в следующую секунду она обхватывает меня обеими руками за шею со стороны и прижимает к себе так крепко, что мне не хватает воздуха.

– Ладно, – вздохнула я. – Ты, конечно, можешь меня задушить, тогда мы обойдемся без рыданий.

Она хихикает мне в шею, и я отвечаю на ее объятия.

– Спасибо, – шепчу я. После минуты молчания мы отрываемся друг от друга. Я немного смущена, потому что мы так мало знакомы, но Харпер, похоже, не возражает.

– Кстати, мне кажется, что никто этого не замечает.

– Чего?

– Что вы с Ашером так много ссорились раньше, а сегодня вечером вы отлично ладили друг с другом. У меня даже сложилось впечатление, что у вас много

общего.

Я морщу нос.

– Потому что мы оба любим вегетарианскую пиццу?

– Ну да, – говорит Харпер и наклоняется, чтобы убрать последнюю тарелку. – Вы оба только что смеялись над Рохелио. Честно говоря, я даже не поняла прикола.

– Потому что ты была занята Сэмом. – Теперь моя очередь двигать бровями и ухмыляться. – Как давно вы уже вместе?

Она снова выпрямляется.

– Уже почти два года. Ной раньше много заботился о лошадях, и когда он уехал, они искали кого-то на лето, кто возьмет эту обязанность на себя. Честно говоря, я понятия не имела о лошадях и просто соврала на собеседовании. – Щеки Харпер заметно розовеют. – Но для меня это была идеальная работа на время каникул. Обычно во время учебы я подрабатываю в кафе библиотеки, но на семестровые каникулы там так мало работы, что они даже не нуждались во мне. Так что в течение двух недель я читала все, что можно прочитать о лошадях. О том, как содержать конюшню в чистоте, об уходе за седлами, о том, как стричь лошадей и ухаживать за их копытами, о том, как понять, когда им не хватает корма, и все такое прочее.

– О боже, я бы никогда не осмелилась. Живая лошадь, за которой нужно ухаживать, – это что-то совершенно другое, нежели просто теория.

– Да, но я справилась довольно хорошо. А если бы нет, то попросила бы о помощи – вряд ли я смогу заставить бедных лошадей страдать от своего невежества. Но меня раскрыли уже на второй день, потому что Ашер с первого взгляда понял, что я ничего не знаю о лошадях. Он отвел меня в сторону и показал все, что мне нужно было знать. – ее голубые глаза вспыхнули. – Так что я ему чем-то обязана, тем более что он никогда не доносил на меня своему отцу.

– А Сэм потом встретил тебя в конюшне? Раньше он никогда даже близко не подходил к лошадям.

Теперь Харпер закатила глаза:

– Разумеется, нет. Сэм – самый неспортивный парень из всех, кого я знаю. Но он все время приходил рисовать на пастбище. Наверное, сначала я его просто раздражала. В какой-то момент он обратился ко мне. Я подумала, что ему действует на нервы музыка, которую я всегда включала, пока убиралась. Конечно, только когда лошади были на пастбище, – быстро добавляет она. – Но потом он сказал мне, что Джордж Эзра будет для него поводом стать геем, потому что у него прекрасный голос, а еще он остроумный и к тому же британец. Он просто не мог мне не понравиться. Знаешь, есть так много мужчин, которые постоянно раскидываются гомофобными высказываниями, но Сэм совсем другой. Я сразу поняла, что он прекрасно поладит с моим братом, а это для меня очень важно.

Я киваю, Харпер теперь мне нравится еще больше, потому что она так ласково отзывается о своем брате.

Она встряхивает кухонное полотенце, которым только что пользовалась, и вешает его, прежде чем продолжить.

– Я сказала Сэму, что мой брат Чейз очень похож на Джорджа Эзру, и спросила его, хочет ли он с ним познакомиться. Тогда он признался мне, что уже давно мечтает встречаться с сестрой этого Чейза, который так похож на Джорджа Эзру. Потом он показал мне свои рисунки, и вместо животных повсюду была изображена я. Клянусь тебе, в тот момент я уже поняла, что почти наверняка влюблюсь в него.

О боже, это так мило, что мне хочется завизжать, но сейчас я все еще могу держать себя в руках, чтобы не делать этого, и вместо этого издаю только тихий вздох. Что является большой удачей, потому что Ашер и Сэм в этот момент приходят на кухню, чтобы обменять свои пустые пивные бутылки на полные.

– Надеюсь, ты принесла еще, – прерывает наш разговор Сэм, чем выводит Харпер из себя.

– Сэм! – ругается она и понимающе качает головой. – Иногда ты и в самом деле просто невозможен.

– Он хотя бы честный, – возражает Ашер и поднимает одну бровь, прежде чем обратиться ко мне. – И это больше, чем можно сказать о большинстве, не так ли?

Почему он сказал это, глядя на меня, осталось для меня загадкой. Я поджимаю губы и автоматически хватаюсь за молнию своей кофты, чтобы убедиться, что она все еще на самом верху. Как всегда, я чувствую себя во власти Ашера и ненавижу это чувство.

– Папа, кстати, как раз уже на подъездной дорожке, если тебе это интересно, – бросает он как бы невзначай. Ашер указывает в сторону входной двери. – Ты же так хотела с ним поговорить.

Глава 5

Когда я покидаю гостевой домик через несколько минут, на часах уже одиннадцать вечера. Ашер только один раз коротко кивает мне и говорит, что придет позже, поэтому я в одиночестве несу корзину с пустыми бутылками обратно в дом. Подъездная дорожка лишь немного освещена фонарями, тучи комаров кружат вокруг желтых световых шаров. У входной двери я обыскиваю карниз, и мои пальцы касаются единственного ключа, который Хиллари хранит там. Она никогда не оставляет дом открытым – вне зависимости от того, частный это остров или нет. Так было и раньше.

Я чертовски устала, и хотя мне хочется уже узнать, почему Ричард вызвал меня сюда, разговор с отчимом на данный момент – последнее, что мне нужно. Вечер с Харпер и Сэмом был таким милым до того момента, когда Ашер выгнал меня. Да, он не сделал это напрямую, но тем не менее. По-другому воспринимать его замечание вообще не получается.

Я оставляю корзину в коридоре. Из кухни доносятся голоса. Дверь приоткрыта, и я едва могу разобрать хоть что-то, но понимаю, что это не дружеская беседа – потому что люди говорят слишком громко и быстро.

Так, ладно, у меня был очень долгий день. Я видела одного из моих сводных братьев полуголым в самолете, мой кошелек украли, а еще на меня набросились

два боксера. Не говоря уже о том, что я была чертовски напряжена в течение нескольких часов, опасаясь показать Ашеру свою уязвимость. И получалось у меня не очень хорошо.

Я отступаю и на цыпочках подкрадываюсь к лестнице. Голоса становятся громче.

– …это неприемлемо! Я ожидаю от тебя адекватного поведения. Ты все еще Блейкли, даже если это, по-видимому, ничего не значит для тебя.

– Ну и что ты мне сделаешь? Отправишь в мою комнату или выгонишь меня на улицу? – голос звучит весело, вызывая у меня мурашки по коже. – Нет, подожди, просто забери у меня кредитные карты. Блейкли же привыкли решать любые проблемы своими гребаными деньгами. – Кухонная дверь распахивается и с грохотом ударяется об стену. В следующее мгновение вспыхивает свет. – А это еще кто, черт подери?

Я резко оборачиваюсь и стараюсь выглядеть дружелюбно, но на сегодня во мне осталось не так уж много доброты. Таким образом, «черт подери», похоже, является фразой, которая первой приходит на ум моим братьям при виде меня, и постепенно это начинает меня беспокоить. Я делаю жалкую попытку изобразить улыбку.

– Это твоя сводная сестра.

Ной медленно подходит ко мне. Он встает так близко, что мне приходится поднять голову, чтобы посмотреть ему в лицо и разглядеть на нем широкую ухмылку. Его волосы растрепались, как будто он уже спал и его потревожили. При этом Ной наверняка только что вернулся домой.

– Моя сестра, с ума сойти.

Он моргает, как будто свет здесь ярче, чем есть на самом деле. Его глаза светятся зеленым оттенком, но зрачки его неестественно расширены. Похоже, тут замешан не только алкоголь. Это зрелище мне достаточно хорошо знакомо благодаря университету.

– Привет, Ной.

– Ничего не понимаю.

Когда он говорит, мои подозрения подтверждаются. Вместе с запахом алкоголя до меня доносится запах наркоты. Он ухватился за воротник своей кожаной куртки, где черная татуировка тянется по его шее до ушей. Кожа под ней выглядит еще совсем красной, как будто он покинул тату-салон всего несколько минут назад. Это так на него похоже. Надпись гласит «МЕГА». Он ударяет меня кулаком по плечу, как будто я одна из его приятелей, и я вздрагиваю.

Очевидно, Ной немного не в себе.

Я скептически поднимаю бровь, затем смотрю на человека, который появляется позади него и выглядит так, как будто он вот-вот набросится на сына, чтобы избить его.

– Здравствуй… Ричард.

Мой отчим резко останавливается.

– Айви, – с трудом выговаривает он. А потом качает головой. – Очень хорошо. Это очень хорошо. Замечательно, – повторяет он, и это звучит не дружелюбно, а больше похоже на рычание. Он массирует виски, как будто ему нужно собраться с мыслями. Или успокоиться. Затем он указывает наверх: – Ной, мы продолжим наш разговор завтра, когда ты будешь в подходящем для этого состоянии.

– Отличная идея, папа. По-моему, тебе в голову всегда приходят лучшие идеи. – ухмылка Ноя становится еще шире, делая его похожим на слишком большого щенка, несмотря на все эти татуировки. Ему приходится держаться за перила лестницы, чтобы не упасть. – Давай просто отложим это на завтра. Если у тебя будет на это время. – Ной наклоняется ко мне. – Эй, если у тебя все еще будет настроение после того, как старик возьмет у тебя интервью, зайди в мою комнату, и мы сыграем во что-нибудь.

Неужели он действительно считает меня одним из своих приятелей? И должен ли он так пренебрежительно говорить о своем отце, который находится с нами в

одной комнате и все прекрасно слышит?

– Посмотрим.

Я озадаченно смотрю ему вслед, когда парень неуклюже поднимается по лестнице мимо меня. Ладно, ну и сколько он выпил? Наверняка речь об очень крепком алкоголе, при этом ему, как и мне, еще нет двадцати одного. Неудивительно, что они с отцом поссорились, ведь Ною едва удается волочить за собой ноги. И неудивительно, что Ричард выглядит таким вымотанным. И как-то иначе. Отчим изменился, и не только из-за тщательно подстриженной густой бороды, которая теперь скрывала нижнюю половину его лица. Не только из-за очков с темной оправой, которые он раньше всегда надевал только для чтения. Вся его осанка изменилась. Он похудел, и от пузика-от-сладкой-жизни, которое моя мама всегда гладила с улыбкой, осталось не так много. Он сбрасывает пиджак и расстегивает первую пуговицу рубашки. У него усталый взгляд. Такой же усталый, как и у меня.

– Может, мы тоже поговорим завтра? – спрашиваю я. Несмотря на то что сама совершенно измучена, я больше думаю о нем, потому что Ричард выглядит так, как будто ему срочно нужно поспать. Или выпить немного бурбона, который я обнаружила в гостиной. Если так подумать, мне бы сейчас тоже не помешало немного бурбона.

– Конечно. – Ричард подходит ко мне и хватает за плечи. Его прикосновение оказывает лишь легкое давление. – Ты нормально добралась? Хиллари подготовила твою комнату? Тебе еще что-нибудь нужно?

От него доносится терпкий аромат, который мне не знаком и который делает его неприступным, несмотря на дружеский жест.

– Спасибо, у меня все в порядке.

– Хорошо. – он опускает руки. Из-за его бороды я не могу понять, улыбается ли он, но потом вокруг его глаз образуется несколько морщинок. – Я даже не могу поверить, что ты действительно стоишь передо мной. Ты так повзрослела. Кажется, Нью-Йорк хорошо на тебя влияет.

Я чувствую давление в грудной клетке, как будто железный кулак обхватывает мое сердце. Ричард это серьезно, или он говорит это только для того, чтобы почувствовать себя лучше? Неужели он действительно думал, что отсутствие возможности вернуться домой в течение многих лет – лучший вариант для меня? Что это хорошо на меня повлияет? Я не знаю, что сказать. Мне так много хочется сказать, и я чувствую, как невысказанные слова разрывают меня части. И я понимаю, что не могу с ними справиться. Как и с примирительным видом Ричарда и с тем, как Ашер оболгал меня.

За этот день слишком много всего произошло. Мне трудно набрать воздуха, и каждый вдох – это маленькая борьба, в которой я должна одержать победу, чтобы не сломаться. Или не накричать на него. Левой рукой я цепляюсь за перила лестницы, правую сжимаю в кулак.

Похоже, Ричард погружен в раздумья. Он смотрит в одну точку позади меня, а затем удовлетворенно улыбается.

– Мы можем обсудить все позже. Я хочу, чтобы твои братья тоже присутствовали при этом. До тех пор чувствуй себя как дома. Должно быть, для тебя было большим сюрпризом так внезапно получить весточку от меня. Прости.

За что мне его прощать? За это внезапное письмо? За то, что я должна чувствовать себя как дома, хотя мой дом больше не здесь? Или за последние четыре года моей жизни? Меня терзают сомнения. С одной стороны, я чувствую необходимость обрушить на него весь свой гнев и все свои вопросы, но с другой – мне бы хотелось броситься в его объятия, потому что у меня остался только он. Потому что такой отчим, как Ричард Блейкли, лучше, чем отсутствие отца. Я снова разжимаю кулак и медленно выдыхаю.

– У тебя наверняка есть свои причины для этого приглашения.

При этом это было не приглашение, а скорее повестка в суд, если вспомнить безличную формулировку письма.

– Да, они есть. Завтра вечером за совместным ужином мы поговорим об этом. – Ричард сдвигает очки вверх, массирует большим и указательным пальцами переносицу и задумчиво смотрит на меня. – Мне нравится твоя прическа, Айви. Твоя мать тоже часто собирала так волосы.

Невольно я ощупываю свой небрежный пучок.

– Знаю, – буркнула я. Хотя это даже не так. Многого я совсем не помню. Мне нужно взглянуть на ее фотографию, чтобы четко представить ее лицо, а мамин голос и вовсе давно забылся. Более того, гораздо вероятнее, что я сейчас выгляжу как пугало.

Я полностью сосредотачиваюсь на своем дыхании, а затем – когда мне вдруг кое-что приходит в голову – давление на моей грудной клетке разом ослабевает. Если Ричард говорит о моей матери таким ласковым тоном, то тогда он определенно вызвал меня сюда не для того, чтобы окончательно вычеркнуть из своей жизни. Только теперь я понимаю, как сильно я втайне боялась этого. Я даже думаю, что он рад меня видеть, просто ему не так-то легко это показать. Скорее всего после всего, что произошло в прошлом, мы оба просто сильно смущены.

Я сглатываю.

– А мне нравятся твои очки.

Мне хотелось так много ему сказать, а теперь я говорю об очках?

На лице мужчины появляется облегченное выражение.

– Это замечательный способ стать немного добрее друг к другу, не так ли? Мы говорим комплименты до тех пор, пока оба не растаем.

Он улыбается и от этого кажется менее отстраненным.

Мои губы вздрагивают, но я не в силах сдержать улыбку.

– Борода – это что – то новенькое, я права? Она мне тоже нравится.

Мужчина тихо смеется, и это так сильно напоминает мне прежнего Ричарда, что ситуация смущает меня. До смерти моей матери он был таким же. Человек принципов, но более радушный и менее строгий. Человек, который всегда хотел

только лучшего для своей семьи.

– У нас появилась новая серия средств для ухода за бородой, и в конце концов кто-то должен послужить примером и доказать эффективность продуктов.

– Тебе действительно очень идет. Теперь ты выглядишь как-то… достойно. Почти грациозно.

Теперь улыбаюсь я. Мне вдруг приходит на ум, что общаться с Ричардом не так уж сложно, если говорить о безобидных вещах. Если вычеркнуть все прошлое и думать только о том, что есть сейчас. В любом случае важные вещи – это те, которые вы не произносите вслух.

– Поверь, я ни капельки не достойный. Ты только что сама в этом убедилась. У меня сложные отношения с Ноем. Он видит во мне старого придурка.

Я не знаю, что на это сказать, но радуюсь, что мы говорим не обо мне. Ной кажется мне в данный момент более безобидной темой.

– Возможно, тебе стоит испробовать метод комплиментов и на нем. Со мной он, во всяком случае, сработал.

– Значит ли это, что ты сможешь спать сегодня в своей старой комнате без обиды на меня?

– Я… – мой голос становится тише. – Я… не сержусь на тебя.

– Тебе не нужно лгать мне. Даже такие старые придурки, как я, сразу это замечают. Я знаю, что ты злишься на меня уже четыре года. И даже если я хотел бы, чтобы между нами все было иначе, то все равно принимаю твое нежелание, потому что я в ответе за свои решения. Для меня твоя безопасность всегда была превыше всего.

Моя безопасность? Под этим он подразумевает мое переселение в интернат? Я вздрагиваю, когда Ричард протягивает руку и проводит ладонью по моей голове. Его прикосновения неожиданно нежные, а взгляд устремлен вдаль.

– Хорошо, что ты здесь, Кэтрин. Нам нужно так много наверстать.

Я застываю. Не столько из – за ласкового жеста Ричарда, сколько из-за того, что он назвал меня Кэтрин. Он, по-видимому, переутомился. И поэтому оговорился. Но одного слова достаточно, чтобы вернуть меня в реальность. Только что отчим был так добр и сердечен по отношению ко мне, что я даже могла бы поверить в то, что, возможно, даже скучала по нему. Я чуть было не подумала, что ему действительно есть до меня хоть какое-то дело. Но на это нельзя полагаться. Так было и четыре года назад. И это сводит меня с ума.

– Извини, пожалуйста, – говорю я дрожащим голосом. – Сегодня утром я встала очень рано. Ты ведь только вчера прислал мне сообщение, и… сейчас уже очень поздно.

Я не понижаю голос, и мои слова вырастают в комнате, как громоздкий предмет мебели, на который внезапно натыкаешься в темноте. Уже слишком поздно для всего. Не только на сегодня, но и на всю жизнь. Я борюсь со страхом быть отвергнутой в очередной раз. Страхом, который медленно, но неуклонно разрастается в моей груди. Я крепко сжимаю губы.

Ричард качает головой, а затем поднимает обе руки, чтобы пальцами помассировать виски. Он издает приглушенный стон, словно у него вдруг закружилась голова.

– Ты права, – он тихо бормочет извинения, прежде чем отвернуться от меня. – Наверное, это было действительно что-то кратковременное.

И на этом он оставляет меня стоять в коридоре одну.

* * *

Я лежу на кровати и долго смотрю в темноту, не понимая, что же там произошло.

Хорошо, что ты здесь, Кэтрин.

У меня бегут мурашки по коже. Возможно, это из-за прохладного воздуха, который врывается сюда и колышет шторы, несмотря на их тяжесть. Но я не уверена.

Кэтрин. Так звали мою маму. Ричард просто оговорился, но все его поведение после случившегося кажется мне странным. Он утратил свою строгость, свою непреклонность, а этого я никак не ожидала. То, как он говорил со мной – так чарующе, так ласково он вел себя только по отношению к моей маме. Я все еще чувствую его прикосновение к моей голове.

Мои мысли никак не могут успокоиться, хотя до сих пор я думала, что могу заснуть стоя. Я ворочаюсь в постели в течение нескольких часов. В какой-то момент – уже после полуночи – я снова встаю и в темноте сажусь за стол к Хедвигу. Обри все еще не ответила мне, и я волнуюсь. Либо все в порядке, либо все прошло так паршиво, что она отключила телефон. Потому что, хоть Обри и моя лучшая подруга и всегда прислушивается ко мне, ей, напротив, трудно говорить о себе и своих чувствах, особенно если это действительно важно.

Айви:Надеюсь, ты в порядке.

Я посылаю ей храпящий эмодзи и «Спи сладко» с поцелуем, затем освещаю мобильным телефоном поверхность письменного стола передо мной. Мне нужно как-то отвлечься, и ничто не подходит для этого лучше, чем привычное ощущение бумаги под пальцами и равномерное движение кисти вверх и вниз по буквам.

Я люблю рисовать картинки из слов, визуализировать целые предложения, используя разные шрифты и размеры. Вот я рисую тонкие линии, а затем вновь широкие полосы. Я беру свою кисть и неловко держу светящийся телефон над бумагой, прежде чем записать фразу, которая приходит на ум первой при мыслях об этом дне.

Кистью я размазываю немного краски вокруг слов и еще некоторое время бессмысленно вожу кистью на следующей странице. Захлопнув ежедневник, я поглаживаю Хедвига по обложке. После этого я наконец-то смогу уснуть.

* * *

Я просыпаюсь с первыми лучами солнца. Я забыла закрыть окно и проснулась вся в мурашках. Несмотря на то что матрас очень мягкий и я чувствовала себя в полной безопасности благодаря запирающейся двери комнаты, мое тело болит так, словно ночью его переехал грузовик. Каждая мышца ноет, а в горле першит, но всему виной скорее всего кондиционер в самолете.

Я улыбаюсь, наполовину мрачно, наполовину отстраненно, когда мой взгляд падает на Хедвига, и я думаю о леттеринге, который нарисовала еще ночью. Я попытаюсь разглядеть подарок и в этом проклятом дне на острове. Но сначала мне нужен свежий воздух. К сожалению, я не думала о том, чтобы упаковать свою обувь для бега. Но кружок по острову я все же осилю и в своих потрепанных кедах.

Я натягиваю пару удобных шорт и футболку без рукавов. На улице, конечно, еще свежо, но я достаточно быстро потею во время бега. Чтобы никто в доме не обратил на меня внимания, я иду на кухню, распахиваю там дверь террасы в сад и тихонько проскальзываю наружу. На траве блестит роса, и как только я ступаю на лужайку за домом, моя обувь тут же намокает. Черт, об этом я не подумала. Я шевелю пальцами ног, стараясь игнорировать неприятное ощущение. Но теперь по моим рукам снова бегут мурашки.

Делаю глубокий вдох. Запах моря и соленый запах водорослей мгновенно пробуждают во мне тысячи воспоминаний. Воспоминания о парусном спорте, о поездках на озеро Уиннипесоки, о кемпинге под открытым небом, о хлебе, жаренном на открытом огне, о свежей клюкве и, к сожалению, об Ашере, который бросает мне в спальный мешок горсть божьих коровок. Ладно, мне нравятся божьи коровки, и он действительно мог бы придумать что-нибудь похуже, но это же не значит, что мне хотелось делить с ними постель.

Сегодня утром между деревьями все еще нависает легкий туман, и я бегу в сторону дороги, где слева появляется бледно-розовая беседка. Отсюда видно

материк, и в непосредственной близости от реки Пискатаква виднеется множество небольших островов. Вода переливается зеленью водорослей, отражая первые лучи солнца, блеснувшие мне в лицо.

Добравшись до огороженного пастбища для лошадей, я ускоряюсь и замечаю, что снова могу дышать свободнее, и теплая кровь циркулирует по моему телу. Мне не хватало этого в Нью-Йорке. Бег по кампусу не идет ни в какое сравнение с этим. Кроме того, я люблю тишину и мысль о том, что все люди на острове, кроме меня, еще спят.

Ворота открыты – это я сразу замечаю. Даже ограждение пастбища выглядит так, будто оно видело лучшие времена, – просторное, широкое и без животных. Вчера, когда Харпер рассказала о своей работе на лето, я подумала, что Блейкли все еще держат лошадей. Но с тех пор, по-видимому, все изменилось. Раньше Ашер и Ной много катались на лошадях, но это было до того, как их стали интересовать только женщины, мотоциклы и черт знает что еще. Я никогда не была одной из тех девушек, которые не представляют своей жизни без этой рутинной заботы о лошадях – еще один пункт в моем списке несоответствия Блейкли, – но теперь я понимаю, что при воспоминании о мягкой лошадиной морде в ладони по моей грудной клетке распространяется тепло.

Отсюда заметен только один угол конюшни, поэтому я рысью по дуге обегаю небольшую рощицу, в которой растут типичные для этого района сосны, клены и дубы. Загон граничит с полянкой перед конюшней, но отдельные перекладины сильно обветшали, частично даже сломаны. Песок прилипает к моим мокрым кедам, когда я пересекаю полянку и подхожу к воротам конюшни.

Все это выглядит тоскливо. Я пытаюсь открыть дверь. Кованая защелка с трудом поддается, поэтому я несколько раз ударяю ребром ладони по металлу, пока тот не отсоединяется и верхняя часть двери конюшни не распахивается. Утренний свет падает внутрь. Руками я опираюсь на нижнюю створку двери и смотрю, как пыль переливается на солнце. К сожалению, меня окружает тишина – ни шарканья, ни фырканья. Внутри не пахнет лошадью или смазанной жиром кожей, а лишь немного отдает сеном, которое когда-то намокло и теперь гниет здесь. Разочарованная, я снова закрываю дверь и бегу обратно. Может быть, Харпер позже расскажет мне, что случилось с лошадьми.

До того места, где я свернула, уже недалеко. Отсюда видно берег, торчащие из воды скалы и маяк Нью-Касла, уходящий высоко в небо. Парусники

покачиваются в воде, словно маленькие брызги белой краски. Наблюдать закат отсюда действительно захватывающе, но восход солнца не менее восхитителен, потому что туман парит над водой, как светящаяся подушка. Это одно из преимуществ жизни на острове. Солнце всегда поднимается и опускается над водой. Я останавливаюсь и только вдыхаю и выдыхаю, ни о чем не думая. Просто наслаждаюсь ветром, дующим с моря и вызывающим у меня приятные мурашки.

Когда туман начинает медленно рассеиваться, я продолжаю бежать, пока передо мной не расстилается поляна. Я, наверное, сейчас обогнула только треть острова и все равно уже запыхалась. Я держусь в стороне, прикрываю глаза другой рукой и поворачиваюсь на восток – туда, где солнце поднимается ввысь. То, что я не одна, мне становится ясно только тогда, когда он отталкивается от земли и вырастает из поляны, как дерево. Вот дерьмо. Удивившись, я втягиваю воздух сквозь зубы. Очевидно, Айви, ты не единственная ранняя пташка в семье.

Ашер стоит в стороне от меня, уперев руки в бедра, как будто он только что выполнил тяжелую тренировку. Даже на расстоянии я могу различить напряженные мышцы и то, как поднимается и опускается его грудная клетка.

И боже милостивый, он босой!

На нем только обрезанные штаны и пленка пота на коже. Увидев татуировки у Ноя, я предположила, что у Ашера тоже будут рисунки на теле, но там нет ничего, кроме кожи, которая туго обтягивает его руки. Ашер – последний, с кем мне хотелось бы встретиться в половине шестого утра, но я не могу оторвать от него взгляда. Таким спокойным, таким сосредоточенным и замкнутым в себе я никогда его не видела. Парень оборачивается, и в первый момент мне кажется, что он меня даже не замечает, потому что его лицо хотя и повернуто в мою сторону, но не выражает никаких эмоций. Я могла бы просто поднять руку, крикнуть безмятежное «Доброе утро!» через луг, а затем продолжить свой бег, но я этого не делаю.

Я стою там, словно тупой олень, уставившийся на фары несущейся на него машины.

Пояс штанов Ашера так свободно сидит на его бедрах, что приходится опасаться, что они могут соскользнуть вниз. На бедрах ткань порвана и потерта, что, к сожалению, ему очень идет. После этого мой взгляд цепляется за его

лицо. Мне кажется, что пролетели минуты, но, вероятно, это были всего лишь секунды.

Он продолжает двигаться. Его руки свободно опускаются, но мышцы Ашера напряжены. Проворный, как хищный кот, он идет в мою сторону.

Наконец я отрываю от него взгляд. Что это было, черт возьми? Ашер просто занимается спортом, а я веду себя так, будто увидела второе пришествие. Покачав головой, я отступаю на шаг, и под подошвой моего кеда ломается палка. Звук заставляет птицу вспорхнуть, и в ту же секунду наши взгляды встречаются. Ашер хмурит брови, он поднимает одну руку, и этого достаточно, чтобы всплеск адреналина промчался через мою грудную клетку.

Я разворачиваюсь и бегу. Ашер выкрикивает что-то непонятное, но я решаю не дожидаться, что он повторит это. Мне просто хочется закончить свою пробежку. Наедине. Черт, это же раннее утро, и у меня нет никакого желания начинать его с очередной ссоры.

Я переставляю ноги и бегу по мокрой траве. Солнце светит мне в лицо. Я перепрыгиваю через корень дерева и бегу через поляну обратно в лес. Я не оборачиваюсь, но в этом и нет необходимости, потому что я слышу его быстрые шаги. Неужели теперь он бежит за мной?

Передо мной беспокойно разлетается еще больше птиц. Дикая утка издает испуганное кряканье и неистовыми ударами крыльев пытается поднять свое громоздкое тело в воздух. Именно так я и чувствую себя сейчас. Я ускоряюсь, и мой пульс учащается.

Я задеваю ветку и начинаю паниковать. Инстинктивно я чувствую, как мое преимущество рассеивается, а Ашер все ближе и ближе ко мне.

– Айви! – его голос звучит отрывисто и как-то сердито. Не понимаю, в чем проблема этого парня, ведь я ничего не сделала. Разве что пробежалась по его чертову острову. Я понимаю, что бегу слишком медленно. Множество камней и мягкий мох между ними тормозят меня и сбивают с ног. Стоит мне только снова осознать, что мои рывки становятся увереннее, Ашер уже так близко ко мне, что я слышу, как он дышит.

В панике я глотаю воздух, перепрыгиваю через пень, продираюсь под низко нависающими ветвями и, ничего не видя, спотыкаюсь о сгнившую листву. Почва становится непозволительно мягкой и уступчивой, она издает чавканье, когда я погружаюсь слишком глубоко и могу лишь с большим усилием вытянуть свои кеды. Моя грудная клетка пыхтит, как паровоз.

– Остановись ты уже, черт тебя дери!

Да я и не могу больше ничего делать, кроме как стоять. Вдруг меня настиг страх. Почти неуловимый страх, который я не могу объяснить. И тут моя правая нога проваливается в пустоту. Только что там был еще толстый слой мха, и в следующий момент там уже ничего не осталось, кроме сырости, – почва просто в какой-то момент исчезла.

Я лечу вперед, что-то царапает мое лицо, затем сильно ударяюсь о землю правым бедром. Колющая боль пронзает мне запястье, а мое лицо горит от веток, царапающих кожу. Застонав, я пытаюсь встать, но моя правая рука совершенно бесполезна. Застонав от боли, я падаю обратно в мокрый мох.

– Эй, что там у тебя случилось?

Ашер наклоняется надо мной. Я вижу протянутую руку и раздраженно сдвинутые брови.

– Уходи, – кричу я ему. У меня сработал какой-то странный рефлекс в качестве самозащиты: словно на автомате я подхожу к Ашеру и пинаю его по голени, затем удивленное восклицание заставляет меня вздрогнуть.

– Черт возьми, Айви, что за фигня?

Он потирает ладонью то место, по которому пришелся мой удар, и ошеломленно смотрит мне в глаза.

Моя паника полностью рассеивается, и теперь я не знаю, что вообще такое на меня напало.

– Прости, ладно? Я это не специально, ты напугал меня. Зачем ты вообще бежал за мной?

Мой голос звучит хрипло, потому что мне едва хватает воздуха, да и к тому же все это звучит глупо.

– Может быть, потому, что я хотел помешать тебе переломать себе ноги при твоем темпе бега? Это тебе не центральный парк.

Он тоже запыхался – это факт, который лишь немного успокаивает меня. Он думает, что я слишком глупа, чтобы самостоятельно справиться с пробежкой?

– Спасибо, – задыхаюсь я. – Я бегаю с тех пор, как мне исполнилось двенадцать месяцев. Так что опасности не было. Если бы ты не преследовал меня, я бы не бежала галопом и не упала бы.

– Я не преследовал тебя, черт возьми. Я просто хотел помешать тебе бежать по топкой местности, а ты сразу даешь деру, как будто за тобой гонится серийный убийца. Что за фигня? Да в чем твоя проблема? Ты же знаешь остров. Это болото! Еще несколько метров, и ты бы выбежала прямо в береговой откос. Там огромные камни. – он разводит руками. – Ты могла сломать себе шею.

Я вздрагиваю, потому что внезапно осознаю, как глупо я себя вела и что Ашер совершенно прав. Берег так близко, что я слышу, как вода неторопливо бьется о скалы. Во мне как будто перегорел какой-то предохранитель.

– Извини. Я… без понятия… дикие утки взлетели, и меня вдруг охватила паника. – Я хватаюсь за правое запястье, которое жжет так, как будто кто-то вонзил в него раскаленную иглу. – Кажется, я действительно что-то сломала. – слезы застилают мне глаза.

Ашер встает передо мной на колени.

– Дай посмотреть.

– Ты теперь у нас врач или кто? – фыркаю я на него и резко вздыхаю, когда он хватает меня за руку таким образом, что я не могу его оттолкнуть. – Ты делаешь

мне больно.

Не реагируя на мои ругательства, Ашер ощупывает то место, где учащается мой пульс. На удивление осторожно его кончики пальцев водят по тыльной стороне моей руки, затем Ашер поворачивает мой сустав во все стороны.

– Ау.

– Это не перелом. Просто вывих.

Он помогает мне подняться на ноги. Я хочу сделать шаг назад, чтобы не врезаться в его голую грудь, но мое бедро адски болит и заставляет меня падать вперед, словно мокрый мешок.

Руки Ашера рефлекторно удерживают меня. Мой подбородок ударяется о его твердую грудную клетку. Я издаю стон от боли и хватаюсь за это место.

Ашер начинает смеяться.

– Ты первая женщина, которая поранилась о мои мышцы.

– Это были не твои мышцы, идиот, а твои… твоя… ключица.

Его смех становится громче.

– Тебе нужно подтянуть свои знания по анатомии, Айви.

Я чувствую его дрожащий торс на своем и не могу не усмехнуться. Затем я осознаю, что его тело так близко к моему, а касается моей кожи. Мои соски сжимаются, и в ужасе я прижимаюсь к его плечу. Ашер мгновенно отпускает меня и отступает. Он слегка приоткрыл рот и удивленно уставился на меня.

Я тут же скрещиваю руки на груди. О боже, мне остается только надеяться, что он не почувствовал моей неловкой реакции.

– Мне холодно, – ворчу я. – Это очевидно. – Проклятье. – Ты мог бы просто сделать вид, что не заметил, – предлагаю ему я, пытаясь улыбнуться, но тут же чувствую, как моя голова закипает.

– Мог бы, да. Но это было бы ложью.

Уголки его губ поднимаются вверх.

Больше всего на свете мне хочется бросить этого придурка в море и посмотреть, как его съедят рыбы. Но вместо того чтобы толкнуть его в сторону берега, я смотрю на мурашки, бегающие по его коже. Видимо, ему тоже холодно.

Живот Ашера плоский и рельефный, со странной выделяющейся линией. Она напоминает одну из тех татуировок, выполненную белыми чернилами, которые я периодически видела на Pinterest. Легкий пушок волос исчезает ниже пупка в поясе его шортов, и я осознаю, что не должна представлять себе, каковы эти волоски на ощупь. Потом я понимаю, что светлая полоска – это шрам, и испуганно хватаю ртом воздух. Она огромная и тянется по всему животу параллельно реберной дуге Ашера. Белая линия, разделяющая его торс, как будто он когда-то был разобран на куски и собран снова.

Ашер замечает мой взгляд и поднимает подбородок.

Я просто не могу отвести взгляд. Это не какой-то ерундовый шрам, который случайно попадается вам на глаза на пляже. Должно быть, это была ужасная травма. Совершенно ошеломленная, я протягиваю руку, но останавливаюсь на полпути, когда понимаю, что делаю.

– Что случилось? Что с тобой…

– Ничего не случилось, – говорит он, как будто ожидал этого вопроса. – По крайней мере, ничего, что тебя касается. – Теперь он скрестил руки на груди, скрывая шрам. А и его упрямое выражение лица, утаивает от меня любой ответ, который можно было бы прочитать по его мимике. – Неужели ты и в самом деле испугалась меня? – спрашивает он.

Я точно знаю, что этим Ашер просто хочет перевести тему, но это все равно работает.

– Разумеется, нет.

– Ладно. – Ашер медленно кивает. – Тебе лучше принять душ. Выглядишь так, как будто тебя где-то обваляли.

Он указывает на мои ноги, к которым грязь и трава прилипли, словно панировка к котлете.

– Спасибо за это замечание. Без твоего мудрого совета я бы, конечно, прямо так села завтракать.

Я подавляю импульс сбить траву с ног и ощупать свой затылок, который кажется мне мокрым и грязным.

– Возможно, тебе стоит надеть кроссовки. – Я киваю в сторону его босых ног, которые так же, как и мои, погрузились в мягкую землю. – И определенно рубашку, – добавляю я тише.

Я не хочу больше ни секунды оставаться рядом с ним, но стоит мне сделать первый шаг по направлению к дому, как мое бедро снова отзывается болью, а нога просто висит. Когда я покачиваюсь, Ашер придерживает меня за подол моей футболки, и она натягивается. На мгновение я чувствую его сильные пальцы на своей талии.

– Может быть, тебе лучше опереться на меня? – предлагает он. – Даже если мы рискуем тем, что тебе снова станет холодно.

– Ты такой зазнавшийся придурок! – вырывается у меня.

– Это я уже где-то слышал. – он пожимает плечами. – Кроме того, я безжалостный садист. По крайней мере, раньше ты всегда обвиняла меня в этом. Я считаю, что тебе следует пересматривать свое заключение каждые несколько лет и при необходимости вносить в него коррективы. Может быть, я удивлю тебя. В конце концов, ты тоже удивила меня.

Я замечаю, что его янтарные глаза могут смотреть не только вызывающе и уничижительно, но и очевидно искренне, и это повергает меня в замешательство. Кроме того, мне хотелось бы знать, чем я якобы удивила его, но не хочу делать ему одолжение и расспрашивать.

– Ты удивила меня своей пиццей, – добавляет он, словно читая мои мысли. – Я не думал, что ты умеешь готовить, но это было очень вкусно.

Ну, здорово.

– Я не готовила ее, а только выкладывала овощи и сыр на тесто. Это не требует особых талантов. У тебя тоже без труда это получится.

– И все-таки даже эта мелочь меня уже удивила, – ворчит он. – Все, пошли.

Я сдерживаю ругательство. Ашер не ждет моего ответа, он просто тянет меня за собой. Мой правый бок все еще болит, и я едва могу напрягать ногу, поэтому я стискиваю зубы.

– Кстати, я часто думал о тебе.

Он тянет мою руку за плечо, чтобы лучше поддержать меня. Мне неприятно, потому что я вся вспотела, но, похоже, он не обращает на это внимания. Кроме того, Ашер тоже потный, размышляю я, и от этого у меня в горле становится совсем сухо.

Ашер продолжает:

– Мне было интересно, чем ты занимаешься, какие у тебя друзья, какую музыку ты слушаешь – то есть кроме Шона Мендеса – и как ты освоилась со своей учебой в университете. В общем, ничего суперважного.

Я делаю осторожные шаги, одновременно издавая шипение сквозь зубы.

– Забавно. За все эти четыре года я не заметила ни капли твоего интереса. – Неужели я хочу обвинить его? Да, хочу. – Четыре года или, по твоему летоисчислению, наверное, около тысячи женщин спустя, – быстро объясняю я.

Он поправляет меня:

– Собственно, только… двенадцать. Но кто вообще считает?

Маленькая ямочка возле уголка его рта теперь хорошо видна, и хотя меня раздражает его самодовольство, только поэтому я не могу сердиться на него. Рука на моей талии хватает меня крепче, и я ощущаю тепло Ашера через тонкую футболку, когда он бормочет:

– Или, по твоему летоисчислению, ровно четыре года, месяц и восемнадцать дней.

Я рывком останавливаюсь, и Ашер нервно проводит свободной рукой по волосам. Он избегает моего взгляда, только на мгновение открывает рот, как будто хочет сказать еще больше, но секунды проходят без его дальнейшего комментария.

На мгновение я потеряла дар речи. Как он может всего в двух предложениях сначала перечислить своих женщин, а потом сказать что-то настолько приятное? Неужели он запомнил дату, когда меня в каком-то смысле изгнали из семьи? Я снова медленно выдыхаю, жалея, что у меня нет под рукой Хедвига. Потому что, если и стоит там что-то написать, я бы прорисовала каждую букву этой фразы и украсила бы ее цветами. Возможно, цветов было бы даже очень много.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Название американской авиакомпании.

2

Речь о «Mile High Club» – названии, обозначающем людей, которые занимались сексом на большой высоте.

3

Американская финансовая компания.

4

Щетка для чистки зубов, сделанная из веток и корней дерева арак.

5

Некоммерческая организация по защите климата.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hotel-_nikola/eto-vsegda-byla-ty

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить